

ANNE D A R

ОБРЕЧЕННЫЕ ПЫЛАТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

*От автора романа
«Один год жизни»*

... Не верь всей правде обо мне...

Обреченные

Anne Dar

Обреченные пылать

«Автор»

2018

Dar A.

Обреченные пылать / А. Dar — «Автор», 2018 — (Обреченные)

ISBN 978-5-532-97552-1

Таша Палмер - молодая, уверенная в себе, “холодная” и красивая девушка, за внешним благополучием которой скрывается глубокая травма, срок годности которой - целое десятилетие. Многие знают о том, что произошло, но никто даже представить себе не может, через что ей пришлось пройти, чтобы выбороть право на жизнь. Когда на её пути появляется человек, начинающий уверенно открывать завесу её прошлого, она не осознаёт, насколько это серьёзно и как далеко может зайти. Пугающие тайны, цепочка роковых выборов и всепоглощающая страсть начинают скручиваться в один тугой клубок. Ни он, ни она ещё не подозревают, с чем связались, когда выбрали друг друга. Содержит нецензурную брань. "В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой".

ISBN 978-5-532-97552-1

© Dar A., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	9
Глава 3.	13
Глава 4.	17
Глава 5.	22
Глава 6.	29
Глава 7.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Anne Dar

Обреченные пылать

Глава 1.

Дождь начинал аккуратно накапывать, уверенно врезаясь прозрачными каплями в лобовое стекло моей Skoda Fabia II. Заметив первую каплю, я машинально перегнулась через руль и попыталась отскрести её от стекла указательным пальцем, после чего поняла, что проблема находится снаружи. Вздернув голову, я бросила взгляд на тучи, напоминающие посеревший от старости хлопок, и боковым зрением заметила переменившийся цвет светофора. Уверенно положив руку на рычаг, я нажала на педаль газа и не спеша двинулась вперед.

...Успев зайти в душное кафе прежде, чем дождь вступил в свою силу, я по одному лишь затылку узнала человека, ради которого потратила уже десять минут своего обеденного времени, вместо того, чтобы пообедать через дорогу от офиса, в котором я зависала последние два года своей бурной жизни.

Уверенно прошагав к дальнему столику неплохой, по Лондонским меркам, забегаловки, я поздоровалась с Кристофером прежде, чем успела устроиться на стуле напротив него.

– Привет, – радушно заулыбался на моё приветствие парень, и я вдруг заметила, как сильно он изменился. Кристофер был голубоглазым блондином, ростом около метра восьмидесяти, может немного меньше, с почти идеальной улыбкой, зачастую отчего-то кажущейся немного грустной. Сколько мы не виделись? Восемь или даже десять лет? До сих пор не могу вспомнить нашу последнюю встречу – события последнего десятилетия для меня зачастую окутаны плотным туманом. – Как твои дела? – то ли из общепринятой вежливости, то ли из искреннего любопытства поинтересовался он.

– В норме, – улыбнувшись, поджала губы я. Чего врать? Я, мои дела, успехи и неудачи всегда были в норме – ни больше ни меньше. “В норме” – это вроде как мой личный предел. Ни хорошо, ни плохо. Ни хорошо...

– Что ты там мне принес? – посмотрев на темно-синюю папку-планшет, покоящуюся перед Кристофером под его красивыми руками, поинтересовалась я. Если честно, я мало надеялась на то, что меня действительно сможет заинтересовать это загадочное “нечто”, но ставки были слишком высоки, чтобы отмахиваться от, возможно, недооцененных мной предложений.

– Уверен, что тебя заинтересует, – подняв папку со стола и протянув её мне в руки, едва заметно улыбнулся парень, явно убежденный в том, что я не пройду мимо.

Не успела я взять в руки папку, как у нашего столика возник официант с двумя порциями шепердс-пай* и двумя апельсиновыми фрэшами (* “Пастушья” запеканка из картофеля и баранины). Кристофер заранее узнал у меня, чем бы я хотела отобедать и, по-видимому, дублировал мой заказ и на себя тоже.

После того, как с обедом было покончено, я сняла пиджак своего черного брючного костюма и осталась в белой рубашке с голубым отливом, от духоты закатав рукава до локтей. Кристофер внимательно наблюдал за тем, как я во второй раз изучаю всего одну-единственную бумажку.

– Что скажешь? – напряженно поинтересовался парень, ненавязчиво желая выдавить из меня ответ.

– Я скажу, что это риск.

– По истечению первого месяца возможно продление контракта.

– А возможно и нет, – захлопнув папку, сдвинула брови я, в очередной раз подумав о том, что речь идёт о больших деньгах, а большие деньги – это всегда определённый риск.

...Мне предлагали контракт, подписав который моя текущая заработная плата умножалась вдвое. Двойная зарплата за один месяц – это больше, чем просто здорово. Больше, чем то, на что я могла рассчитывать. Однако работник требовался временный, контракт заключался всего на один месяц. Никто не мог гарантировать мне того, что по истечению грядущих тридцати дней мне, отказавшейся от текущей стабильной работы, не придется искать новое место, и оно не станет менее оплачиваемым, чем нынешнее.

Большой риск. Очень большой риск. Мне нужно было подумать.

Примерно именно это я и сказала Кристоферу, прежде чем, сняв свой идеально выглаженный пиджак с соседнего стула, попрощалась с ним и ретировалась за стеклянной дверью кафетерия, смешавшись с Лондонской толпой, сжимающейся от промозглого ветра.

Уже подъезжая к дому я отметила, что дождь прекратил накрапывать, и отключила поставленные на автомат дворники, которые сначала отказывались включаться с первого раза, а теперь запротестовали моим попыткам их остановить. Едва ли с продажи этой старой клячи можно было выручить много денег, и я скептически относилась к тому, что её вообще согласятся купить хотя бы на детали, так что даже не развивала данную идею. И всё же, не смотря на старость этой развалюхи, стоит признать, что я её любила. Можно даже сказать, что она была достойна моей любви – слишком вымученная, слишком желанная и слишком часто выручающая. Куда я без нее?.. Ни-ку-да...

Припарковавшись в миниатюрном гараже, в котором помимо моей компактной развалюхи помещался еще и новенький мотоцикл Нат, я достала с заднего сиденья бумажный пакет с продуктами, из которого соблазнительно торчал свежий, еще не до конца остывший, ароматный багет.

Наскоро закрыв ворота гаража и быстрым шагом дойдя до порога дома, чтобы редкие дождевые капли не попали на “чудо французской выпечки”, я достала из сумочки связку ключей и поспешно вставила необходимый ключ в замочную скважину. Не успела я переступить порог и ощутить домашнее тепло после прохладной улицы, как до моего слуха донеслись восторженные ноты звонкого голоса Нат:

– О-о-о... Подруга, ты вовремя опоздала, – ухмыльнулась она.

Нат сидела напротив телевизора в одной белой майке и трусах-шортах, и на её голове красовалась ловко завязанная сзади бандана, что означало, что девушка занята покраской корней своих волос. Если честно, я даже не знаю, каким был натуральный цвет волос моей компаньонки по съему жилья, так как сколько я её помню, её короткое каре, не достающее до плеч и украшенное роскошной биозавивкой в виде крупных локонов, всегда было выкрашено в шикарный рыжий цвет с едва уловимым красноватым отливом. И всё же, если судить исключительно по цвету корней её регулярно отрастающих волос, в натуральном цвете она должна была быть ближе к тёмно-русому оттенку.

– Вовремя опоздала? – сняв обувь и стащив с себя пиджак, повела бровями я, уже шагая в сторону кухни с бумажным пакетом перед собой.

Нат, явно учуяв запах горячего хлеба, а не из-за чисто дружеского желания рассказать мне свежие новости, сразу же поспешила вслед за мной. В случае с новостями она бы точно не поднялась с дивана, так как она в принципе не любила трепаться по пустякам, да и я бы сама рано или поздно вышла бы к ней из кухни, а вот свежая выпечка с недавнего времени стала её слабостью. Поэтому я даже не стала повторно уточнять, что именно подразумевает собой сказанное ею замысловатое словосочетание “вовремя опоздать”.

– Что снова произошло? – поставив пакет на кухонный стол, я тяжело выдохнула и, упершись руками в бока, обернулась. Рыжеволосая, не обращая на меня внимания, сразу же нырнула изучать содержимое принесённого мною пакета.

– Ничего особенного – всё по стандартной схеме. Элизабет снова сцепилась с Ширли, что дало Фултонам очередной повод для вызова копов. До их приезда вся улица слышала, как Ширли поносила Элизабет на чем свет стоит, и хотя последняя незначительно отставала от первой в знании нецензурной брани, её напору можно было позавидовать – единожды она даже перекричала свою соперницу по территории. Думаю, Элизабет и вправду не успокоится, пока не заполучит квадратные метры Ширли. И ведь весь парадокс заключается в том, что дом принадлежит Генри, а не кому-то из этих двух истеричек, – криво ухмыльнулась Нат, достав замороженные овощи из пакета. – Брокколи и салат? Мы что, садимся на диету?

– На долговременную, – на мгновение закрыв глаза, вновь тяжело выдохнула я. – Ты ведь в курсе.

– Да, я в курсе, – прикусив нижнюю губу, приглушенно вздохнула рыжеволосая, после чего, заглянув мне в глаза, на секунду положила свою ладонь на моё правое плечо. Быстро отведя взгляд, она отправилась нарезать свой любимый багет, чтобы затем намазать его тонким слоем масла. Повернувшись к старому деревянному буфету, я наполнила чайник холодной водой из-под крана и, поставив его на огонь, аккуратным шагом вытекла из кухни – пока я буду сбрасывать с себя груз очередного прошедшего мимо меня дня, Нат сделает и бутерброды из багета с маслом, и крепкий черный чай с мёдом, мятой и лимоном.

На следующий день мы с Кристофером встретились в том же месте в то же время.

– Готова дать окончательный ответ? – сразу после приветствия поинтересовался парень, не дождавшись, пока я окончательно опущусь на место напротив него. На самом деле, уже ложась в постель этой ночью, я знала, каким именно будет мой ответ, однако я не торопилась его озвучивать.

– Мне необходимо узнать об этом деле получше. Объясни мне в чём загвоздка. Я ведь понимаю, что она есть, но никак не могу раскусить, в чём именно она заключается.

– Загвоздка сама девчонка. И это мягко сказано. Она с колыбели наследница бриллиантового бизнеса – от такого у кого угодно может сорвать резьбу.

– Напомни, сколько ей?

– Ирма Риордан – шестнадцать лет.

– И суть моей работы заключается в том... – я поджала губы, после чего резко выпустила воздух из легких, словно из сжатой помпы. – Чтобы присматривать за взрослым человеком?

– Относительно взрослым – ей шестнадцать. Помнишь свой переходный возраст? – повёл бровью Кристофер, и я неосознанно поморщилась. – У Ирмы он настолько отвратительный...

– Что её предки готовы платить совершенно постороннему человеку за присмотр за ней столько, сколько их чадо не заработает и за всю свою осознанную жизнь, – прервала Кристофера я.

– Я, конечно, хотел бы, чтобы ты согласилась на это место, но, Таша, ты должна понимать, на что подписываешься, – Кристофер многозначительно посмотрел на меня исподлобья. Как и вчера, мы оба были в деловых черных костюмах, от чего могло создаться впечатление, будто мы работаем в одной фирме и пришли в этот кафетерий вместе просто для того, чтобы скоротать очередной невзрачный обед офисных клерков. – Мистер Риордан еще никогда не увольнял никого из своего персонала – почти все уходили сами. Почти все – это те, кто хотя бы немного контактировал с Ирмой. Понимаешь? Почти все, – по-видимому для убедительности, в третий раз повторил Крис. – Ветераны до сих пор держатся на плаву лишь благодаря тому, что их контакт с ней сведен к минимуму, который они, порой, очень сложно переносят. Твоя предшественница уволилась после того, как девчонка, прищипив ей дверью палец, сломала его в

двух местах. Мистеру Риордану пришлось выплатить женщине круглую сумму, чтобы та ушла с миром. Перед ней были и другие: девушка, выпившая молоко с подсыпанным в него Ирмой чили – бедняга едва не проглотила себе носоюлотку; женщина, которую Ирма заперла в туалете на сутки лишь ради того, чтобы сбежать на дискотеку с подругами; старуха, в самокрутки которой Ирма подложила мощную травку, после чего у бедняги открылась рвота... Никто еще не продержался дольше одного месяца.

– Я всё обдумала, Кристофер. Всё равно я уйду со своего действующего места в поисках бóльших денег. Тридцати дней мне будет более чем достаточно, чтобы подыскать себе на замену что-нибудь стоящее – в процессе подзаработаю на месяц вперед и, если повезёт, и малолетка сломает мне хотя бы один из двадцати пальцев, тогда мистер Риордан выплатит мне даже больше той суммы, на которую я буду рассчитывать изначально.

– Ты согласна? – удивлённо вздёрнул брови Крис, явно удовлетворённый моим согласием.

– Давай сюда договор, – взмахнула рукой я.

– Ты должна быть на рабочем месте уже в понедельник, – наблюдая за тем, как я подмахиваю документ, уточнил он, явно убежденный в том, что я не осознаю, на что подписываюсь.

– Без проблем, – уверенно-твёрдо ответила я, после чего поняла, что я и вправду не вижу всей картины того, чем именно мне предстоит заниматься. Однако я отчетливо видела картину того, что может произойти, если я не пошевелюсь, и этого для моей уверенности в своих действиях было более чем достаточно.

Если бы я только знала, к чему это всё приведёт! Если бы только знала...

Глава 2.

Уволиться у меня получилось без проблем. Я заранее предупредила мистера Томпсона о своём желании уйти из его подчинения в ближайшее время, внятно разъяснив ему причины своего решения, и так как у меня с моим начальником – грузным, добродушным пятидесятилетним мужчиной – всегда были хорошие отношения, он без лишних вопросов согласился меня отчислить в любой день, когда мне только будет угодно, при этом без требования выплаты с моей стороны дополнительных дней по контракту.

Итак...

Пятое мая. Мой первый день на новом рабочем месте...

“Кто не рискует, тот не пьет шампанского”, – написал мне вчера в мессенджере Кристофер, явно воодушевленный тем, что смог помочь мне с “легкими” деньгами (если только в итоге их можно будет таковыми считать). Откуда ему было знать, что я не пью шампанского? Только вино или что-нибудь покрепче.

Оказалось, что мистер Риордан, как раз накануне моего вступления в свои обязанности, вынужденно уехал в Швейцарию по делам семейного бизнеса. Для меня было непонятно, как можно впускать в собственный дом совершенно постороннего человека в момент своего отсутствия, на что Кристофер посмеялся, объяснив столь беспечное поведение своего начальства тем, что каждый предмет из столового серебра защищен индивидуальной мини-камерой, так что Риордана едва ли когда-либо приходила в голову мысль беспокоиться о безопасности сбережений в стенах своего поместья.

Наверное именно поэтому они с такой лёгкостью доверились обслуживающему персоналу в щепетильном вопросе подбора компаньонки для их дочери. Новую компаньонку для Ирмы искал едва ли не весь штат, но Кристофер стал первым, кто предложил свою кандидатуру (меня), поэтому вопрос считался закрытым уже спустя сутки после увольнения моей предшественницы.

И всё же подобный поступок мистера Риордана казался мне опрометчивым. Фактически я была незнакомкой с улицы, могла оказаться даже воровкой-рецидивисткой, которую он свободно впускал в собственный дом в своё отсутствие лишь потому, что доверился выбору своего водителя...

Итак, мистер Риордан улетел на три недели, оставив свою единственную дочь на попечение абсолютно постороннего человека. Этот миллионер явно кого-то из нас троих (я, Кристофер, Ирма) недооценивал.

Всё, что я знала о Риорданах, это то, что они сказочно богаты, и, как сразу выяснилось, для меня этой информации оказалось более чем достаточно. Одно только тяжеловесное слово “миллионеры” опрометчивым легким мазком составило моё общее видение семьи, на которую мне предстояло работать. И всё же, блин, мне стоило узнать у Кристофера об этих людях побольше информации, но я этого так и не сделала, так как утратила всё своё природное любопытство ещё когда мне было лет тринадцать. Итого – в результате хронически отбитого любопытства у меня на руках так и остались глупые предрассудки о своих новых работодателях.

...Прежде от своего дома до рабочего офиса я добиралась за сорок пять минут без учета пробок, сейчас же, осознав, что время уменьшилось на десять, а с учетом отсутствия пробок даже на тридцать минут, я внутренне улыбнулась данному факту. Двадцать минут езды по свободной магистрали без пробок – мечта любого водителя. Что ж, еще одно подтверждение того, что этот хлеб не дается мне легко – ну не может всё складываться настолько удачно. Только не в моем случае.

День был солнечным, хотя солнце зачастую и перекрывали быстро бегущие кучевые облака. Март и первая половина апреля отличились достаточно засушливой погодой, зато со второй половины апреля и до сих пор британцы боялись рисковать выходить из дома без зонта или дождевика, так что мой зонт безвылазно валялся на заднем сиденье.

Я уже подъезжала к въезду в город, когда заметила перекрывающий дальнейшую дорогу шлагбаум. Кристофер заранее предупредил меня о том, что “деревня миллионеров” по всему периметру окружена современной охранной системой и в нее возможно попасть лишь двумя дорогами, обе из которых оснащены шлагбаумами и пуленепробиваемыми будками с посменно дежурящим в них конвоем. Как позже выяснилось, попасть внутрь города можно было не только двумя дорогами, но и только двумя способами: либо иметь электронный ключ, который необходимо было прижимать к дисплею, установленному перед будкой охраны, после чего шлагбаум, как по волшебству, вздымался вверх, либо быть внесенным в “специальный список” охранника-вахтовика. Исходя из слов Кристофера, сегодня утром я должна была значиться в “специальном списке” как гость мистера Риордана, но уже к вечеру у меня на руках должен появиться персональный ключ от этого чудного сим-сима* (* «Сим-сим, откройся!» – заклинание, которое в сказке «Али-Баба и сорок разбойников» открывает вход в пещеру с сокровищами).

Подъехав к контрольной будке, я немного напряглась, словно собиралась вывезти с одного из здешних объектов минимум три бриллианта в минимум пять карат.

– Ваше имя, – опустив солнцезащитные очки, безэмоционально поинтересовался старик-охранник, после чего уперся взглядом в миниатюрный лист в своих руках, что могло говорить о том, что сегодня, должно быть, гостей в охраняемом им Изумрудном Городе* мало – иначе “специальный список” был хотя бы немногим внушительнее в своих размерах (*Изумрудный город – вымышленный город из цикла повестей Лаймена Фрэнка Баума о сказочной стране Оз).

– Таша Палмер, – не менее безэмоционально представилась я.

– Гостя мистера Риордана, – констатировал в свои густые седые усы охранник, после чего шлагбаум, до сих пор преграждающий мне путь, резко вспорхнул вверх.

Уже когда я пересекала черту города, мне показалось, будто старик со своим напарником оценивающе оглядели мою машину, но я предпочла думать, будто они это сделали чисто из-за профессионального любопытства, нежели из-за банального удивления перед тем, что колеса столь непрезентабельного автомобиля будут колесить по столь тщательно оберегаемому ими “алмазному” асфальту.

– Не обижайся, они знают, что ты хорошая, – тихо прошептала я, погладив руль своей развалюшки. Обычно я не общаюсь со своим автомобилем, за исключением тех нередких случаев, когда мне просто необходимо выругаться на вновь заглохший мотор или зачихший кондиционер, но сейчас мне почему-то показалось, что моя и без того маленькая машинка еще больше сжалась в своих размерах. Она, в отличие от меня, на “богатой” территории словно стала чувствовать себя не в своей тарелке, что я поняла по внезапно возникшим шумам в моторе, которые, впрочем, исчезли так же быстро и так же фантомно, как и появились.

Я в очередной раз бросила беглый взгляд на дисплей своего телефона, при помощи GPS которого уже почти добралась до пункта назначения.

Еще перед подъездом к нужному повороту я заметила Кристофера. С идеально прямой осанкой, он стоял на обочине всё в том же черном костюме, в котором я его уже привыкла лицезреть. Заметив меня издали, парень трижды махнул мне рукой, явно желая, чтобы я заехала в гараж, напротив которого он меня поджидал.

Увидев Кристофера в классическом костюме, я немного расслабилась. Весь мой “приличный” гардероб состоял из пары деловых костюмов, пары брюк, пары рубашек и пары стоптанных туфель родом из позапрошлого года. Собственно, от стандартного работника обыкно-

венного Лондонского офиса не требовалось изысканий либо извращений в плане шмоток, так что мне даже повезло в этом плане: строго + бюджетно = мой вкус.

Сомневаюсь, что на новом рабочем месте от меня будут требовать соблюдать определенный дресс-код и ожидать от меня ношения брючного костюма, как и сомневаюсь в том, что на мой деловой стиль, продиктованный моим финансовым положением, поставят табу. И всё же я постаралась сегодня выглядеть минимально по-офисному: на мне были высокие, расширенные к низу черные брюки, подпоясанные ремнем с лакированной черной пряжкой, черные начищенные туфли из экокожи на низком каблучке и белая блузка с неглубоким декольте и короткими рукавами, зашпиленными крупными пуговицами. Никаких пиджаков и галстуков.

Припарковавшись в гараже, на который указал мне Кристофер, я заглушила мотор и, положив в карман брюк свой допотопный телефон, доставшийся мне в наследство от старшей сестры, вышла из машины.

– Некоторое время ты можешь парковать свой автомобиль здесь, – сразу после приветствия сообщил Крис. – Мистер Риордан продал одну из своих машин, из-за чего его малый гараж на данный момент пустует.

– Разве? – едва уловимо вздернула брови я, взглянув на Hyundai Accent, возле которого я припарковалась. Машина хотя и выглядела не сильно потёртой, всё же я, как человек более-менее разбирающийся в автомобилях, понимала, что данная модель является одним из самых бюджетных вариантов для автолюбителей.

– Даже не думай, – ухмыльнулся Кристофер, явно уловив ход моих мыслей. – Риордан не балуется подобной мелочевкой. У него в ассортименте Lamborghini, Bugatti Veyron, Aston Martin... Mercedes-Benz он предпочитает в случаях, когда пользуется услугами водителя.

– А это тогда чьё счастье? – поинтересовалась я, пытаюсь понять, какая машинка дешевле – моя или вот это вот “чудо”.

– Это машина повара. Кстати, она одна из новеньких в штате прислуги. Устроилась сюда месяц назад. Говорят, что даже Ирма, не смотря на все свои иголки, оценила её пудинги... Итак, планы на сегодня, – бодро начал Кристофер, когда мы уже вышли из гаража. Он нажал на кнопку брелка в своих руках и ворота плавно начали опускаться. – Вот, держи. Это замок от гаража и ключи от входа в особняк. А вот это... – он запнулся, доставая из внутреннего кармана своего пиджака белую карточку из плотного пластика, пронизанную синими полосами. – Это ключ от въезда в город. Впрочем, городом это место сложно назвать. Постоянно живут здесь только несколько переулков, остальные домики набиваются битком только перед большими праздниками вроде Рождества.

– И сколько здесь домов?

– Пятьдесят два.

– Ого, как точно, – ухмыльнулась я, после чего окинула взглядом дом, который мы проходили (по-видимому, дом Риорданов был следующим – он стоял в тупике). – Однако, я бы не сказала, что здесь живут миллионеры.

– Я тоже так думал, когда год назад впервые сюда пришел, – ухмыльнулся Крис, явно соглашаясь с ходом моих мыслей. – Большинство особняков отделаны обыкновенной белоснежной штукатуркой, вроде особняка Риорданов и дома их соседей. Такое можно встретить и на домах обычных смертных. Редкие особняки, вроде владений Сомерхолдеров или Вуйничей, отличаются величием и помпезностью.

– Вся дороговизна заключается внутри, да?

– И да, и нет, – остановившись на пороге поместья, ухмыльнулся Кристофер. – Внутри дома и вправду неоправданно дорогая отделка и есть немало безумных вещей, вроде фарфоровых ваз, превышающих стоимость твоего автомобиля в два раза. Но вся загвоздка заключается в стоимости земли. Дело в том, что мы находимся буквально под Лондоном, в поселке, организованном в начале нулевых самыми богатыми людьми Британии. Большинство этих домов

представляют из себя резиденции толстосумов, уставших от светских тусовок и городского шума, и в то же время не имеющих сил отказаться от Лондонской жизни надолго. Миниатюрный клочок земли в этом месте стоит как одна твоя почка. Может даже две... – многозначительно задумался Кристофер.

– Прекрати меня пугать, – едва уловимо улыбнулась я и, чтобы вывести собеседника из транса, слегка толкнула его в плечо.

Глава 3.

Следующие полчаса я знакомилась с внутренней обстановкой особняка Риорданов. Этого времени оказалось более чем достаточно, чтобы запомнить расположение всех комнат на трех этажах, включая “нижний”, который официально считался нежилым, хотя это, как позже выяснилось, являлось “маленькой ложью”.

Коридор, который одновременно служил прихожей, имел два пути: справа располагалась комната для гостей с совмещенным санузлом и отдельной гардеробной, от вида которой меня вдруг передернуло, так как эти квадратные метры выглядели в сто раз лучше всего того дома, который я арендовала напололам с Нат; второй же путь вел вглубь дома, и он оказался куда интереснее.

Справа от выхода из прихожей была расположена полукруглая лестница из светлого дерева, ведущая на второй этаж, и сразу под ней располагалась точь-в-точь такая же лестница, ведущая вниз, на “подвальный” этаж. По сути сразу за прихожей была расположена небольшая площадка с двумя лестницами, но, если пройти чуть дальше, слева можно было заметить две двери – первая, которая была напротив, вела в уборную, вторая, которая расположилась на стене справа от уборной, была заперта и вела в кабинет мистера Риордана. Если не обращать внимание на эти двери и двигаться прямо от входа, тогда сразу из этой площадки можно было попасть в просторную, светлую столовую с панорамными окнами. Посреди этой столовой стоял длинный овальный стол из красного дерева, который по всему периметру обрамляли мягкие стулья с роскошной вышивкой из золотых нитей. Стол был накрыт белой льняной скатертью с вышивкой в виде шелковых цветов, края которой были украшены изысканно плетеным кружевом. Посреди стола стояла миниатюрная ваза с нежными крокусами.

Помимо всего прочего в столовой расположился шкаф, верхняя часть которого демонстрировала художественно разложенное и начищенное до блеска столовое серебро и удивительные расписные тарелки с солонками и сахарницами. Еще здесь был комод и небольшой столик для корреспонденции, которые, как и вся остальная мебель, были выполнены исключительно из отполированного красного дерева. Люстра, висящая над столом, выглядела как отдельное произведение искусства, как, собственно, и остальные люстры, которые позже я увидела в этом доме.

Сразу из столовой можно было попасть на открытую террасу, ведущую в сад, но мы не стали заострять на этой части поместья внимания, сразу перейдя на кухню, расположенную слева от столовой.

К моему удивлению, кухня оказалась небольшой, даже маленькой, как вдруг Кристофер заявил, что это не кухня вовсе, а всего лишь муляж. Я непонимающе уставилась на своего собеседника, после чего он пояснил мне, что в доме есть еще одна, “основная” кухня, на которой и свершаются кулинарные причуды, здесь же только хранят некоторые продукты вроде недоеденного печенья, воды, чая, фруктов – в общем всего того, что может понадобится хозяевам для внепланового перекуса. Для меня это показалось странным, но я не собиралась заикливаться на причудах своих работодателей, потому просто пропустила лишнюю информацию мимо себя.

Справа от столовой, за широкой аркой, разместились еще две комнаты: гостинная с камином и гостиная без камина. Обе гостиные, перетекающие одна в другую, имели между собой границу в виде мягчайших ковров на блестящей паркетной доске и встроенных от потолка до пола сквозных полок длиной в метр. Обе комнаты были обставлены роскошно и, в то же время, уютно. Это был тот редкий случай, когда первое не поглощало второе. Миссис Риордан,

по-видимому, обладает замечательным эстетическим вкусом, если только она не прибегла к услугам дизайнеров.

На втором этаже всё было немногим проще: две ваннe комнаты, четыре спальни и мини-ботанический сад – комната с высокой, покатистой стеклянной крышей, отведенная под разнообразные роскошные растения в изысканных фарфоровых горшках. Кроме растений здесь располагалась пара плетеных кресел-качалок, которые я не сразу заметила из-за гигантского розового дерева, стеклянный столик с глянцевыми журналами и крупногабаритный, изумительной красоты домашний фонтан. Увидев это, я уже не сомневалась в том, что миссис Риордан – личность с хорошо развитым вкусом. Правда, я никогда не была из тех, кто быстро озвучивает свои мысли вслух, поэтому Кристофер так и не услышал моего мнения об увиденном, и мы вновь спустились на первый этаж, чтобы спуститься еще ниже.

Подвальный этаж, как бы странно это не звучало, оказался для меня самым интересным. Спустившись вниз по закругленной лестнице, мы оказались на мелком пяточке, выложенном квадратами из плитки горчичного и антрацитового цветов. Как только Кристофер открыл перед нами дверь и мы зашли внутрь, я сразу почувствовала легкую, ненавязчивую прохладу, которая присуща всем пустующим подвальным помещениям. Однако передо мной предстал далеко не заброшенный подвал. Здесь словно существовал в параллельной реальности отдельный мир, едва уловимо связанный с тем, что раскинулся наверху.

По левую сторону от входа расположились комнаты отведенные под кладовые, которые были заполнены моющими и чистящими средствами. Рядом с ними, за одной из дверей, пряталась достаточно просторная прачечная с двумя стиральными и одной сушильной машинами. Здесь же, у стены, покоилась пара гладильных досок, утюг и отпариватель.

Следующая комната занимала площадь в два раза превышающую площадь прачечной – здесь разместилось около двух десятков различных тренажерных оборудований. Всё в этой комнате выглядело так, словно её посещали регулярно, и это, как уточнил Кристофер, было не далеко от правды. Мистер Риордан был приверженцем спорта, хотя и предпочитал посещать тренажерный зал. Когда же он не работал с личным тренером, он зачастую проводил своё свободное время здесь. Плюс ко всему здешняя уборщица наводила лоск во всем доме регулярно два раза в неделю, так что пыли у Риорданов не существовало даже на подвальном этаже.

Напротив тренажерного зала располагалась пара скромных спален, на случай, если обслуживающему персоналу необходимо будет ночевать на рабочем месте. В каждой из двух комнат было по две одноместные кровати, два шкафа и два ночных столика – всё из светлого дерева. Этакий минимализм, не лишенный особого шарма.

Кладовые, прачечная, тренажерный зал и комнаты для обслуживающего персонала связывала комната в виде большого пустого квадрата, преодолев который мы попали в просторный зал. Весь пол от входа и до сих пор, без разрывов на отсутствующие пороги, был покрыт обыкновенным серым ковром с резиновыми вставками, а единственным источником дневного света здесь являлись длинные прямоугольники (удачное подобие окон), врезанные по периметру по всей восточной стене.

Первым в глаза бросился элегантный бильярдный стол, следующим пунктом стали кожаные диваны и кресла, но когда справа от входа я увидела самую настоящую барную стойку, я не смогла не улыбнуться.

– Нравится? – ухмыльнулся Кристофер, обойдя один из барных стульев, после чего похлопал ладошкой по столешнице. – Самый настоящий, в любой момент готовый к функционированию, личный бар. Кстати, и это тоже красное дерево. С ума сойти, правда? Эта штука, если её перепродать, будет стоить как моя квартирка на окраине Лондона. Класс?

– Это скорее жутко, чем классно, – ухмыльнулась я.

– Зато представь, какая у меня квартира, – задорно подмигнул мне Кристофер, заставив меня улыбнуться ему в ответ. – За баром есть дверь, за которой нет ничего интересного: холо-

дильники с продуктами, ящики с пивом, банки с консервами. В общем, хранилище еды. А вот за этой дверью у нас целый мир, – заговорческим шепотом произнес Кристофер, подойдя к двери, врезанной в правую стену от бара. – Та-да-а-ам, – распахнул дверь мой проводник, но сразу же растерялся. Только спустя мгновение я поняла, что он ожидал застать кого-то врасплох. – Джина, должно быть, куда-то вышла... Вот, собственно, это кухня и, бонусом, пристанище всего персонала, работающего на семейство Риордан.

– Немного вас, – заметила я, оглядывая комнату. Просторная, белоснежная и стерильно чистая, она, в отличие от кухни наверху, действительно выглядела муляжом идеальной кухни.

– Пока начальство в отъезде, побочный служащий персонал без надобности. Положа руку на сердце, тут всегда немного пустовато. Садовник и уборщица приходят пару раз в неделю, в то время как постоянными являются только повар, его помощник, два водителя и надзирательница Ирмы.

– Надзирательница? Выходит, так звучит моя новая должность.

– Не говори, что я не предупреждал тебя о том, что наручники и дубинка должны быть при тебе, – ухмыльнулся Кристофер.

– Ты сказал – два водителя. У тебя есть напарник?

– Был. Решил выйти на пенсию в свои шестьдесят пять, так что неделю назад мы его почётно проводили на заслуженный отдых. Пока что мистер Риордан не изъявил желания нанять кого-нибудь на его место.

– Зато надзирателя для Ирмы начал искать еще за пару часов до того, как действующий вышел из строя, – послышался довольно приятный женский голос в дверях, и я обернулась, чтобы посмотреть на вошедшую женщину.

– Вы, должно быть, Таша Палмер? – ставя по всей видимости достаточно тяжелый ящик на стул у входа, тяжело дыша, выдавила из себя вопрос незнакомка. – Меня зовут Джина Остин, я местный повар, – протянув мне руку, улыбнулась молодая женщина.

– Взаимно, – едва уловимо улыбнулась в ответ я, отметив, что у моей собеседницы весьма крепкое рукопожатие, что характеризовало её как сильного человека (я знаю, о чем говорю, так как сама обладала внушительной силой в руках).

– Таша уже успела оценить твой автомобиль. Вы теперь соседки по гаражу, – Кристофер перевел свой взгляд на ящик, который Джина притащила из кладовой. – Попросила бы меня, я бы принес.

– Тебя пока дожدهшься... – женщина не продолжила, отвлекшись на содержимое ящика.

Джина Остин не была красоткой и всё же её внешность не была лишена особенной привлекательности, которая зачастую заманивает мужчин в женские сети даже более результативно, чем смазливое личико или грудь седьмого размера. Кстати, грудь у Джины была, насколько можно было судить через её униформу повара, первого размера. Волосы тёмно-золотистые, глаза голубые с необычными желтыми крапинками на радужках, на носу с десяток мелких веснушек, левое ухо проколото в двух местах. Ростом она была заметно ниже меня, что примерно могло равняться метру шестидесяти семи – девяти. Если бы меня спросили, сколько бы я дала Джине лет, я без сомнений назвала бы точную цифру, которая подходила к её внешности так, как, возможно, не подходили мне мои двадцать три года. Тридцать лет – ни больше, ни меньше.

До трех часов дня я вникала в суть своих обязанностей, в чем мне усердно помогали Кристофер с Джиной и лэптоп*, который, в течении следующего месяца, должен был стать моей личной картой жизни Ирмы Риордан – шестнадцатилетнего подростка с завышенным самомнением, чья жизнь была расписана едва ли не поминутно (*Персональный переносной компьютер). От меня требовалось лишь одно – чтобы я следила за точным исполнением жизненного графика своей подопечной: гольф, конный клуб, танцы, лепка глиной, большой теннис,

фортепиано, дополнительные занятия по французскому – и всё это расписано на несколько недель вперед с учетом выходных и будничных занятий в частной школе.

Я должна была посещать каждое мероприятие, судя по всему, для тотального контроля Ирмы. Как пояснил Кристофер, необходимость в столь сильном контроле над девочкой возникла из-за того, что мистер Риордан пару лет назад выбросил пятьдесят тысяч долларов на образование своей “принцессы”, разбросав купюры по конным и гольф-клубам, а спустя некоторое время выяснилось, что Ирма не посетила и половины из того, что было им оплачено. Всякий раз водитель привозил девчонку к месту проведения занятий, но Ирма, как оказалось, на занятиях не присутствовала, вместо этого отдавая предпочтение бесконтрольным прогулкам по Лондону или его окрестностям, после чего она с абсолютно спокойной душой возвращалась к уже ожидающей её в назначенное время машине и ехала домой.

Пятьдесят тысяч долларов!.. У меня едва приступ не случился от услышанной суммы.

Итак, с тех пор, как обман девчонки всплыл на поверхность, мистер Риордан меняет надзирателей Ирмы словно перчатки, так как долго дамочки на этом месте удержаться не в состоянии – подросток делает всё, чтобы избавиться от “назойливых мух”.

– Но если она не хочет заниматься в конном клубе или лепкой, тогда зачем это всё? – с неподдельным непониманием посмотрела на Кристофера я. – Ради чего мистер Риордан заставляет её всё это делать?

– Мистер Риордан не из тех непонимающих мужчин, которые заставляют детей заниматься дополнительными занятиями против их воли или в разрез с их интересами. Напротив, он весьма демократичен с Ирмой. По факту, он обеспечивает Ирму блестящим образованием, тем самым предоставляя ей одно из лучших мест в высшем обществе, но он не настаивал бы на дополнительных занятиях французским или на большом теннисе, если бы это было необходимо лишь для идеального образа в светском обществе. Чем лучше образована женщина в статусе выше среднего, тем больше её уважают, а не смотрят на нее как на безмозглую наследницу миллионов. Более того, Риордан не из тех, кто позволит девчонке потратить хотя бы одну неотконтролируемую тысячу долларов. Если бы Ирма в самом начале сказала, что не хочет заниматься дополнительными занятиями по плаванию или аэробике, мистер Риордан не оглядываясь уменьшил бы её нагрузку до минимума, оставив ей какой-нибудь конный спорт и фортепиано, но ведь Ирма решилась на ложь, которая обошлась ему в пятьдесят тысяч долларов. В итоге Ирма, из-за стыда перед её вскрывшейся ложью, полгода ходила красной, а мистер Риордан, в свою очередь, удвоил её нагрузку, сказав, что девчонка будет отрабатывать каждый выкинутый им доллар вплоть до её совершеннолетия. Поэтому Ирме Риордан ничего не остается, кроме как к восемнадцати годам стать развитой, разносторонней личностью с блестящим образованием за плечами.

– Представляю, что её ждет, когда она поступит в университет, – едва заметно поморщила носом я.

– Только не думай, что Риордан завышает планку. Риорданы не просто из крепкого теста – они из заколённой стали. Они привыкли бороться, зачастую соперничая друг с другом. Поэтому их не сломаешь дополнительным французским – только сильнее станут.

– Звучит так, словно они вообще ничего не знают о настоящей борьбе, – заметила я.

– Разве?.. Их жизнь заметно отличается от жизни простых смертных, но и у них бывали в жизни ситуации, от которых хотелось лезть на стену не только их семье, но и работающему на их семью персоналу, – многозначительно добавил Кристофер, отведя свой взгляд в сторону.

Мне стало интересно, о каких именно ситуациях Крис говорит, но я ведь не была из тех, кто отличается обостренным любопытством по отношению к жизням посторонних людей, так что уже спустя мгновение я забыла о своем секундном любопытстве, как о мимолётной слабости.

Глава 4.

Внешне я была очень похожа на свою мать, хотя и не являлась её точной копией. Мы обе были достаточно высокими – мой рост равнялся метру семидесяти семи – у нас обеих были густые волосы цвета темного шоколада, мы обе отличались прямой осанкой и на щеках у нас во время улыбки проявлялись одинаковые ямочки. Самым весомым внешним отличием между нами были, пожалуй, глаза – у матери они были мягкого василькового цвета, в то время как мои зелёные глаза отдавали нефритовым оттенком.

По факту, своей головокружительной внешностью я была обязана красоте обоих своих родителей. Вот только, сколько себя помню, моя внешность здорово усложняла мне жизнь. Слепляющая людей красота, на самом деле может стать для её обладателя тяжкой ношей. Когда мужская часть твоего окружения хочет затащить тебя в постель, женской части остается только ненавидеть тебя постфактум. Это всё равно, что находится между двух огней – рано или поздно душа, заточенная в обжигаемом сосуде, рискует стать пеплом. Но, кажется, мне это не грозит. Когда тебе наплевать *почти на всё* – тебе *почти ничего* не угрожает.

Я родилась и выросла в большой, и на редкость дружной семье. Моё детство прошло в непримечательном городке с населением в пятнадцать тысяч человек. До Лондона было рукой подать, благодаря чему я познакомилась с сердцем Великобритании еще в утробе матери – она пролежала в Лондонском роддоме на сохранении почти всю свою последнюю беременность.

Улица, на краю которой стоял наш двухэтажный домишка, обшитый деревянной вагонкой сизого оттенка, была обрамлена роскошными ивами, ветви которых никогда не обрезались, отчего, сколько себя помню, они подметали своими длинными косами края неровных тротуаров. Особенно я любила эти ивы с наступлением осени – казалось, в их кронах можно было спрятать всю свою сезонную грусть.

Отец был руководителем небольшой полиграфической фирмы, в то время как мама занималась домашним хозяйством, разделяя повседневные тяготы домохозяйства с прабабушкой (бабушкой отца). Прабабушка, которую мы всегда называли просто бабушкой Амелией, жила с нами столько, сколько я себя помню, и даже больше. Кажется, вокруг нее и была выстроена вся наша семья вместе с крышей самого дома.

Родители, отличающиеся едва ли не эталонной любовью к своим детям, всё же любили друг друга куда больше, чем нас. В детстве мне казалось – исчезни все мы внезапно, папа с мамой, из-за своей чрезмерной сосредоточенности друг на друге, даже не заметят этого. Конечно же это было не так, но я не преувеличивала, когда, будучи маленькой пипеткой, рассказывала своим бабушкам о том, как сильно мои родители любят друг друга, буквально до “пожирания”. И, судя по участившим взглядам бабушек, это осознавала не только я...

В нашей семье, помимо меня, были и другие дети, так что всё моё детство прошло в шумном детском обществе, и хотя я и была рождена последней, со временем я всё-таки смогла утратить статус самого младшего члена семьи.

Мой брат Энтони был самым старшим ребенком – я появилась на свет спустя семь лет после него. Еще в детстве я заметила, как сильно он отличается внешне от остальных моих братьев и сестер. Все дети в нашей семье обладали разными оттенками зеленых глаз и только Энтони отличился темно-карими. “Мягкими глазами” в нашей семье не обладала только голубоглазая мать и бабушка Амелия с глазами невероятного цвета топлёной карамели. В то время как остальные дети были словно выращены на молоке и мёде, Энтони была присуща едва уловимая худоба, которая с возрастом переросла в худощавость. Все дети в семье обладали словно нарисованными курносими носами, в то время как Энтони, с веселой гордостью, носил свой необыкновенный нос картошкой.

Но самым главным отличием Энтони была даже не бледность его кожи и не наличие веснушек на щеках, а цвет его волос. Энтони был рыжим мальчишкой, что с самого детства выделяло его среди нас, обладателей густых волос цвета темного шоколада.

Бабушка Пандора – мать моей матери – всякий раз приезжая к нам погостить, глядя на Энтони никогда не забывала громко всплеснуть в ладони, чтобы с какой-то странной эмоцией, которую я позже определила как ностальгию, сказать нам о том, как сильно Энтони похож на её деда. Пандора говорила, что Энтони является едва ли не точным отражением своего предка, отчего я с раннего детства жалела о том, что у бабушки не сохранилось ни единой фотографии моего прапрадеда – мне хотелось посмотреть, как будет выглядеть Энтони, когда превратится в древнего старика. На это бабушка всегда отвечала мне, что Энтони станет настоящим “красавцем”. Что ж, в этом она оказалась права, но лишь с иронической точки зрения.

В детский сад мы не ходили, нам более чем хватало общения с соседскими детьми и детьми внутри семьи – иногда я даже испытывала его переизбыток. Так как Энтони был самым старшим ребенком, а я самой младшей, наши интересы редко пересекались – мы предпочитали проводить большинство своего свободного времени в кругу ровесников. И всё же, не смотря на это, у меня осталось очень много детских воспоминаний о шалостях Энтони. Естественно мы все шалили, но так, как делал это Энтони, не мог ни один из нас.

Самая первая шалость, связанная в моих воспоминаниях с Энтони, так сильно врезалась в мою память, что я до сих пор улыбаюсь, вспоминая тот весенний день. Весна в том году была на редкость сырой и казалось, будто не мы искали грязь, а она сама находила нас.

Сразу за нашим домом раскинулся редкий березняк, плавно переходящий в поле. Энтони с Джереми обожали в нём играть, в основном строя из себя индейцев, но в такую слякоть, которая развелась в том году, родители запрещали им туда ходить, пока первые лучи солнца не припекут грязевую жижу в небольшом рву, отделяющем наш задний двор от желанного для мальчишек березняка.

Мне шел второй год от роду, когда Энтони решил не дожидаться момента, когда трясина во рву застынет. До сих пор помню, как сильно я плакала, увидев идущее на меня чудовище, и как сильно смеялась, поняв, что это Энтони возвращается из березняка. Он был покрыт густым слоем грязи с головы до пят – его глаза едва разлеплялись от тяжести мокрой земли, а когда он приблизился ко мне и до ушей улыбнулся своей неописуемо широкой улыбкой, я, кажется, не могла успокоить свой смех вплоть до ужина. Правда в итоге Энтони не было так смешно, как мне. Родители посадили его под домашний арест на целую неделю, а для Энтони это было страшнее перловой каши, которую он терпеть не мог. Зато всю последующую неделю он был стерильно чист, словно стеклышко льда в не до конца оттаевшем роднике.

Это воспоминание является самым первым моим воспоминанием о проделках Энтони, но точно не самым ярким. На фоне самой яркой его проделки все остальные его шалости меркнут, словно щебенка на фоне алмаза. Я говорю о таких проделках, как съеденный Энтони живой кузнечик (он ведь бесстрашный индеец!), обрезанные любимые мамины клумбы (хотел порадовать маму свежими цветами на столе), проглоченная и, впоследствии, найденная им в унитазе круглая батарейка (и о чем он только думал?!), проколотое дыроколом ухо соседского пса (он так и не успел просунуть в его ухо бабушкину золотую серьгу – дядя Генри оттащил его за ухо от бедного пса). Энтони вырослел и его проделки масштабировались – поцарапанная отцовская машина (взял без спроса, чтобы похвастаться перед другом), украденные сто фунтов из пенсии прабабушки (не хватало на покупку нового плеера), выкрашенные в ярко-синий цвет волосы (на спор с друзьями-одноклассниками, которым тоже не хватило ума, но зато хватило мужества, чтобы перекраситься в кислотные оттенки, правда, пять из семи среди них были девушками), заброшенный яйцами автомобиль директора школы (Энтони и его напарника буквально схватили за руки – оказалось, что они подобным образом выражали свой протест переформирования школьной футбольной команды). Из-за Энтони родители не успевали покидать

кабинета директора школы, как им снова необходимо было туда возвращаться. В выпускном классе Энтони даже поставили на учёт за разбитое окно в классе химии (по словам самого Энтони, он слишком сильно увлекся защитой одноклассника-гея, который решил стащить у другого одноклассника декоративную ручку, так как был в него влюблен), но даже это не переплюнуло самой “мощной” проделки Энтони.

Это произошло когда мне было восемь лет. Всегда шумный и гиперактивный пятнадцатилетний Энтони внезапно исчез из вида, но, почему-то, заметила это только я. На улице только что прошел легкий летний дождик, загнавший всех детей домой. Уже около получаса мы, в компании мамы и бабушки Амелии, словно замороженные смотрели документальную передачу по BBS, рассказывающую о жизни доисторических рептилий, название которой я уже не вспомню. Я обожала подобные передачи настолько, что оторвать от их просмотра меня могли только две вещи: другой ребенок или необузданное желание поесть. Однако на сей раз меня оторвало кое-что другое – рыжая макушка головы, быстро промелькнувшая в окне гостиной. Если бы Энтони просто прошел мимо окна, я бы не повела и глазом, но он явно таился. Хитро ухмыльнувшись, как охотник улыбается при виде обнаруженной им цели, я тихо поднялась с пола и аккуратно ретировалась из гостиной, не вызвав у взрослых никаких вопросов, пока остальные дети были слишком заняты поглощением домашнего попкорна, чтобы обращать на меня своё внимание.

На цыпочках добежав до входной двери, я дернула ручку, и мои глаза сразу же округлились – дверь была заперта снаружи на ключ. Это было удивительно, так как двери нашего дома летом были открыты с раннего утра и до поздней ночи – дети то и дело бегали туда-сюда, отчего запирались взрослым не имело никакого смысла. Однако факт оставался фактом – мы были заперты.

Подумав и покусав нижнюю губу пару секунд, я поняла, что это проделка Энтони – мама с бабушкой Амелией находились внутри дома и не могли запереть дом снаружи, а до возвращения отца с работы было еще около получаса. Почувствовав себя частью загадочной игры, я скользнула в кладовую. Забравшись на стиральную машину, отработавшую сегодня очередной сложный день – ей пришлось справляться с пятнами варенья на одежде Джереми и Пени – я открыла защелку на окне, после чего подняла его нижнюю половину вверх. Окно было маленьким, так что через открывшееся мне пространство мог протиснуться только ребенок. Высушившись в него, я планировала аккуратно вылезти наружу, но, в итоге, уже в ближайшие пять секунд потерпела красочное фиаско. Приземлившись на влажную траву пятой точкой, я даже не запереживала о внезапно возникшей резкой боли в щиколотке. Вскочив на ноги, я быстро осмотрела свои розовые шорты. Как я и опасалась, влажная трава оставила на них несколько слишком заметных разводов, от которых мама точно не будет в восторге. Тяжело выдохнув, я отряхнула с локтей влагу и на цыпочках побежала за дом. Пробежав мимо отцовского самодельного турника, на который он регулярно загонял своих сыновей и даже собственного брата, я сделала шаг потише, словно боясь спугнуть свою добычу. Всё еще на цыпочках я дошла до края дома, после чего буквально прилипла к стене боком и аккуратно заглянула за угол.

Энтони сидел на корточках перед небольшим муравейником, прилегающем к стене нашего дома, и выливал на него воду из прозрачной бутылки.

– Что ты делаешь? – приглушенно поинтересовалась я, уже не таясь и выйдя из-за угла.

– А... Таша, – вздрогнув, взглянул на меня брат. – Как ты вышла из дома?

– Ты запер нас, да? Зачем?

– Чтобы вы не мешали мне.

– Не мешали в чем? Поливать муравейник водой? – задорно ухмыльнулась я. – Но ведь только что прошел дождь.

– Это не вода, – ответил Энтони и замолчал с видом взрослого парня, занятого очень важным делом. Сделав еще один шаг вперед, я случайно толкнула пустую бутылку и нагнулась, чтобы прочесть красно-белую этикетку на ней.

– Керосин? – удивленно вздернула брови я. – Энтони, где ты это взял? Украл из папиной мастерской?

– Не украл, – нахмурился Энтони, кинув на меня сосредоточенный взгляд. – Я просто взял. Ведь когда я беру на кухне сахар и об этом никто не знает, я ведь его не краду.

Сдвинув брови, я мысленно согласилась с братом. Он и вправду предпочитал обычным сладостям рафинированный сахар и, хотя ему и запрещали им злоупотреблять, он приноровился брать его в моменты, когда взрослых не было рядом. Бабушка Амелия постоянно удивлялась тому, как Энтони до сих пор диабет не заработал. Я же не понимала, что такое диабет, поэтому не рассказывала взрослым о том, что Энтони тайком берет сахар с верхних полок кухонного гарнитура.

– Ты что, хочешь отравить бедных муравьев? – нахмурилась я.

– Я всего лишь помогаю отцу.

– Но папа не хотел их убивать. Он хотел перенести их дом в лес.

– Он так сказал, чтобы вас не расстраивать. На самом деле муравьи точат дом и от них нужно избавиться прежде, чем они съедят его весь. Ты хочешь, чтобы они съели наш дом?

– Нет, – насупилась я.

– А представь, что однажды они заберутся к тебе в кровать...

– Не заберутся, – прервала брата я. – Скорее они весь твой сахар съедят, который ты прячешь за холодильником.

– И что в этом хорошего, если они съедят весь сахар в доме? Бабушка не сможет больше печь свои вкусные пироги, а ты ведь любишь пироги?

Мне не нравилось, что он разговаривал со мной словно с малолеткой.

– Скоро папа придет. Пусть он разбирается с муравейником, – продолжила хмуриться я, держа двумя руками пустую бутылку из-под керосина.

Услышав о том, что папа должен уже скоро приехать, Энтони заторопился, чтобы успеть решить свои “взрослые” дела прежде, чем ему в этом помешают настоящие взрослые. Я не сразу поняла, что именно он достал из левого кармана своих шорт, как вдруг спичка в его руках вспыхнула и в следующую секунду упала на муравейник. Огонь еще не вспыхнул, но неосознанный, леденящий страх уже успел сковать все мои мышцы. С округлившимися глазами и сжатой обеими руками бутылкой, я застыла на месте. Внезапно огонь взвился вверх и над муравейником возникли не только желто-красные, но и синие языки пламени.

– Почему он так сильно горит?! – испуганно вскрикнула я, как вдруг заметила у ног Энтони еще одну пустую бутылку, выкраденную им из мастерской отца.

– Глупая, это ведь керосин! – восторженно ответил мне Энтони, явно радуясь результату своей бурной деятельности. Подняв бутылку у своих ног, он закупорил её и бросил в огонь. Я продолжала стоять на месте словно вкопанная, пока спустя несколько секунд брошенная Энтони в огонь бутылка не лопнула. По-видимому, в ней оказались немалые остатки горючей жидкости, отчего костер вдруг с новой силой взмыл вверх.

Как только бутылка лопнула, я буквально подпрыгнула на месте, после чего увидела, как языки пламени перебрасываются на стену дома, к которому прилегал муравейник. Дождь был косой и замочил лишь лицевую часть дома, оставив заднюю стену абсолютно сухой. Энтони еще не понял к чему идет дело, но я уже начала испуганно оглядываться по сторонам в поисках хоть какой-нибудь помощи. Слева от нас жил младший брат отца, дядя Генри. Засушливым летом он неустанно поливал свой газон из зеленого шланга, который я вдруг увидела сейчас лежащим на краю с нашим газоном. Наш задний двор и задний двор дяди Генри не были

ограждены никакими заборами, представляя из себя одну сплошную территорию, но границы между ними всё же были видны – Генри чаще подстригал свой газон, чем мы.

Бросив пустую бутылку из-под керосина куда-то в сторону, я со всех ног бросилась к дому Генри. Добежав до него, я с трудом умудрилась открутить кран, торчащий из стены, после чего, схватившись за край извивающегося шланга, на полной скорости, на какую только могла быть способна восьмилетняя девочка, бросилась в сторону муравейника.

Языки пламени уже окончательно перебрались на стену дома и теперь жадно облизывали его сухую вагонку. Энтони, осознавший что именно происходит, так сильно испугался, что не смог сдвинуться с места. Он смотрел на разрастающийся пожар широко распахнутыми глазами, пребывая в явном глубоком шоке. И без того бледный цвет его лица окрасился в мертвенно-белоснежный, отчего со стороны мне вдруг показалось, будто его душа вот-вот выскочит из его тела.

К моменту, когда я подбежала к пылающему муравейнику, огонь уже дошел до середины стены, продолжая стремительно прокладывая себе путь к крыше. Всё то время, что я бежала навстречу пожару, вода из шланга вырывалась струей с огромным напором, отчего все мои ноги уже были залиты, а шорты промочены насквозь.

Направив поток воды на огонь, я вдруг особенно остро осознала, что напор в шланге слишком сильный, но было слишком поздно. Как только вода соприкоснулась со стеной, моё хрупкое тело восьмилетнего ребенка отпружинилось назад, шланг вырвался из скользких рук и начал прыгать по всему газону, заливая меня и Энтони с головы до пят. Сидя на пятой точке и упираясь ладонями в газон, я, сквозь мокрые волосы, бросила беглый взгляд на Энтони, в смутной надежде на то, что он сию же секунду схватит шланг и потушит не собирающееся сдаваться пламя, но Энтони всё еще пребывал в пугающем меня трансе. Поняв, что помощи от него ждать нельзя, я всем своим телом бросилась на шланг, словно пытаюсь словить извивающегося питона (за неделю до того я видела такого же зеленого питона в зоопарке и мое воображение в экстремальной ситуации отчего-то перенесло знакомый образ на шланг). В момент, когда шланг оказался у меня в руках, я уже была промокшей насквозь, и все оголенные участки моего тела были покрыты черными точками чернозема, в котором отец в прошлом году высадил новый газон.

Вновь направив струю воды на огонь, я вдруг поняла, что по моим щекам начинают течь неожиданно теплые слезы, как вдруг из-за угла дома, словно из ниоткуда, выбежал отец. Он приехал немногим раньше обычного и, судя по всему, бежа к нам мимо своего турника, расположенного между нашим домом и домом дяди Генри, он видел, как я неистово боролась со шлангом.

Заметив языки пламени на стене, отец выхватил из моих рук шланг, и огонь был потушен им уже спустя какие-то мгновенные пятнадцать секунд.

Черное пятно на обугленной вагонке до сих пор красуется на заднем фасаде родительского дома. Для меня оно стало своеобразным напоминанием, для отца, как выразился он сам спустя много лет, знамением, для остальных же оно было просто черной кляксой на стене, которую никто не видит...

Наш дом получил ожог, но не сгорел. Это важно. Прошло немногим больше пяти лет с момента того пожара, когда я мысленно вернулась к нему, чтобы, в итоге, понять своеобразную тайну человеческой жизни - ожоги неизбежны, но нельзя позволять себе сторгать.

...Муравьи больше никогда не селились возле нашего дома, навсегда эмигрировав на участок дяди Генри.

Глава 5.

Ирма Риордан, как я и ожидала, оказалась обычным подростком – без звезды во лбу, без короны на голове и без радуги под ногами. Но если исходить из того, как она себя ставила – она явно чувствовала у себя под ногами если не радугу, тогда точно алую ковровую дорожку.

Вот уже битый час я слушала, как она ломает французский язык, и пришла к выводу о том, что девчонка вовсе не жаждет доканать преподавателя, просто Ирме не интересно. Она повторяла за миссис Ришар, судя по всему, чистой француженкой, заученные ею наизусть монологи, но не старалась хотя бы немного поработать над произношением или ударениями. Когда в очередной раз наступил момент, в который казалось, будто Ирма сквернословит на ломаном латинском, а не разучивает “Из Макиавелли” Вольтера, не выдержала даже я. На строке “...В смертельной схватке вепрь не будет с вепрем биться...” – я закатила глаза к небу и отвернулась в сторону. Прежде я даже представить себе не могла, что столь мелодичные строки Вольтера смогут буквально выцарапать мой слух.

...В три часа дня мы с Кристофером подъехали к зданию частной старшей школы, в которой училась Ирма. Впрочем, на стандартную школу данное заведение никак не походило, напоминая собой больше неоготический мини-дворец.

– А вот и она, – криво улыбнулся Крис, бросив взгляд на девчонку в короткой юбке. – Прежде её было не дожидаться, но всё изменилось после того случая, как одна из её “надзирательниц” решила оборвать наше ожидание своим походом в школу. Ирма так громко и слёзно жаловалась мистеру Риордану на то, что одноклассники теперь считают, будто к ней приставили няньку, что он едва ли не впервые в жизни решил её игнорировать. Кажется, они тогда неделю не общались – Риордан не из тех, кого можно заставить плясать под дудку. Тем более это не по силам сопливному подростку. С того случая прошло уже пару лет, а Ирма до сих пор не позволяет себе опаздывать, если знает, что за ней приедет одна из новых нянек. – Кристофер немного помолчал, а потом вдруг добавил. – Она этого, естественно, не покажет, но она была в предвкушении тебя.

– Ждала свежего мяса, – ухмыльнулась я в момент, когда мы затормозили напротив девчонки в школьной форме в виде белоснежной рубашки с гербом и синей клетчатой юбки. Я не оторвала свой взгляд от планшета с нашим расписанием, чтобы одарить её своим вниманием, что, похоже, сразу же задело её тонкую душу.

– Вообще-то, я не должна самостоятельно открывать себе дверь автомобиля, – возмущенно заявил подросток, бросив свой портфель на заднее сиденье и громко захлопнув за собой дверь.

– Если у тебя есть руки, значит есть и определенные способности, – с присущей мне безразличностью отозвалась я, что, по-видимому, привело в замешательство не только подростка, но и сидящего слева от меня Кристофера.

Сделав вид, будто не заметила тишины, повисшей в салоне автомобиля, я продолжила ознакомление со своим рабочим графиком.

– Вообще-то я обращалась к водителю, а не к опустившейся до должности няньки особе, – еще более воинственно отозвалась Ирма, порядочно зарядившись злостью и наконец найдя правильные слова для дерзкого ответа.

– Да мне плевать, – хладнокровно констатировала правду я.

Весь оставшийся путь мы проехали в абсолютном молчании, но я уже знала, что девчонка моё хладное отношение к своей персоне просто так не оставит – в то время как Кристофер старался притвориться невидимкой, план мести наверняка уже начал созревать в голове этого пышущего негодованием подростка.

Что касается внешности моей подопечной, Ирма оказалась весьма симпатичной девушкой, с большими голубыми глазами и волосами цвета варёной сгущенки. Её блестящие волосы были подстрижены до плеч идеальной лесенкой, выступ каждой ступеньки которой был слегка завит в сторону, отчего они напоминали собой острые иглы. Что ж, пожалуй это был самый симпатичный дикобраз из всех тех, что мне доводилось встречать в своей жизни.

Наблюдая за тем, как Ирма занимается французским, я случайно пересеклась взглядом с миссис Ришар. Молодая женщина, на вид не старше тридцати пяти, казалось, была уже изрядно измучена. И это не смотря на то, какие деньги мистер Риордан платил ей за образование своего чада. Что ж, я её понимала так, как может понять лишь человек, час слушающий скрежет неисправной скрипки.

Взяв в руки планшет, я открыла онлайн-блокнот и зашла в раздел отчётов. Я должна была составить доклад о проделанной Ирмой работе, но совершенно не знала, как это делается. Попытавшись найти отчеты своих предшественниц и ничего не отыскав, я прикусила нижнюю губу и, сдвинув брови, быстро набрала в разделе “ПОНЕДЕЛЬНИК -> ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК” следующие строки:

«Занимается неохотно. Возможно, не до конца понимает, зачем ей это нужно + не жаждет из кожи вон лезть на глазах у новой “надзирательницы”. И всё же склонность к языку определено есть».

Еще немного подумав, добавила:

«Произношение как у шахтера из-под земли».

Закрыв планшет, я вновь встретила взглядом с миссис Ришар. Она преподавала на дому и на данный момент мы все втроем находились в её гостиной. Судя по фотографиям, висящим в углу комнаты, миссис Ришар была замужем и имела двух сыновей приблизительно десяти и восьми лет. Спортивная семья – футбол, настольный теннис, рыбалка...

К окончанию занятия с миссис Ришар Ирма практически убила во мне всяческую любовь к французской поэзии.

– Итак, ты, должно быть, хочешь знать, как будут складываться наши отношения, – бросив портфель в дальний угол своей комнаты, Ирма обрушилась на кровать и начала стаскивать с себя белоснежные гольфы, окаймлённые синими полосами. – Ты мне не подруга и никогда ей не станешь. Ты – обслуживающий персонал, и я даже имени твоего знать не должна. Всё, что от тебя требуется – это исполнять мои прихоти и...

– Твой отец уехал всего лишь на две недели и, если у меня возникнет надобность, по его возвращению я обсужу с ним подробности того, что от меня требуется, – невозмутимо оборвала собеседницу я, скрестив руки на груди.

– Мой отец, – криво ухмыльнулась Ирма, явно взволнованная моими словами. – Значит, мой отец... – она явно не ожидала, что я буду шантажировать её возможностью своего “неблагожелательного” для неё разговора с одним из её родителей. – Замечательно! На момент, когда мой отец вернется из Швейцарии, тебя здесь уже не будет.

Девчонка делала ставки. Что ж, я не была из тех, кто отклоняет вызовы.

– Насколько я понимаю, – сдвинула брови я, – тебе необходимо отцовское одобрение. Ты ведь из кожи вон лезешь, чтобы поднять свой рейтинг в его глазах. Видела бы ты себя со стороны на французском – жертвенный ягненок, не иначе. Хочешь испортить мне жизнь? Дерзай. Но только не думай, что твоя в это время будет слаще моей.

– Не хватает еще, чтобы ты сказала мне, будто здесь и сейчас нет моего папочки, чтобы заступиться за меня! – подпрыгнув с кровати, воскликнула Ирма, сжав свои ладони в кулаки и отведя их назад, словно готовясь взять прыжок в длину.

– Я знаю всё о твоих планах на ближайшие две недели, – невозмутимо повела бровью я. – Ты, вроде как, хотела попасть на какую-то вечеринку своей подружки? А что, если я тебя обломаю?

– Ты не сможешь!

– Почему же? – продолжала источать абсолютное спокойствие я. – Просто твой отец узнает о том, что ты пытаешься прогулять занятия в конном клубе.

– Но я не... – разъяренно начала Ирма, но сразу же осеклась, неожиданно осознав, о чем идет речь. – Ты не посмеешь! Я здесь хозяйка! – неожиданно топнула ногой девушка, что со стороны выглядело очень смешно.

– Возможно ты здесь и хозяйка, – холодно, но не без капли удовольствия от победы, начала я, – но я управляю твоим расписанием. Захочу заменить занятие гольфом дополнительным уроком французского, потому как сочту, что второе у тебя получается хуже первого, и будешь зубрить иностранный язык всю последующую неделю.

– Мой... – начала Ирма, но почему-то осеклась. – Отец тебя уволит! – закончила начатое предложение девушка, явно возмущенная моей дерзостью и напуганная столь резким напором. Похоже мои предшественницы не догадывались загнать девчонку в угол столь вескими аргументами, явно страшась своего преждевременного увольнения.

– И всё же советую меня опасаться, – прищурилась я, что окончательно выбило Ирму из колеи. Похоже, она впервые в жизни встретила достойного противника, и всё же я не обманывалась, прекрасно осознавая, что в любой момент могу оказаться слабее нее.

Захлопнув дверь спальни Ирмы, я спустилась на первый этаж, чтобы посмотреть на раздавленного Кристофера.

– Ну как там? – уже спускаясь с лестницы, поинтересовалась я, заметив вошедшего в прихожую парня. Десять минут назад Ирма специально расплескала по всему заднему сиденью автомобиля литровую бутылку спрайта.

– Начистил до блеска. Главное, чтобы липкость со временем не проявилась.

– Мне еще домашние задания у неё проверять, – тяжело выдохнула я. – Нужно сообщить Джине о том, что Ирма вернулась и готова есть.

– Думаю, Ирма откажется от приема пищи. Она часто выражает своё недовольство подобным образом.

Мне повезло, что Кристофер не ошибался – Ирма отказалась от еды, благодаря чему мне достался её сиба с тушеными овощами на пару. Насладившись вкусным ужином, я решила, что, пожалуй, мне стоит почаще сподвигать свою подопечную на голодный протест.

Исходя из контракта, мой рабочий день заканчивался сразу после того, как Ирма сдавала мне все свои домашние задания. А так как она, по всей видимости, хотела избавиться от меня поскорее, сегодня я вернулась домой уже в семь часов вечера.

Я знала, что наши отношения не заладятся с самого начала, и знала, что Ирма ещё придумает, как выжить меня со своей территории, но сегодня мне не хотелось об этом думать. Поэтому я проигнорировала жвачку, приклеенную к моему рабочему ноутбуку, хладнокровно оформив и приклеив аналогичную к планшету своей подопечной, пока та выходила в туалет. Что ж, даже если она проткнет мне ногу ножницами, я знаю где достать в ответ спицы поострее.

Уже завернув на свою улицу, я увидела свет полицейских мигалок прежде, чем заметила автомобиль правоохранительных органов у родительского дома. Не нужно иметь семь пядей

во лбу, чтобы понять, что именно происходит. Тяжело вздохнув, я заехала в арендованный вместе с домом гараж, как всегда припарковав свою клячу слева от байка Нат.

Этот дом я стала снимать несколько месяцев назад, заехав в него в конце января. Причин моего переезда из Лондона обратно в эту глушь было слишком много, и дешевая арендная плата не являлась основным показателем, хотя и приятно грела душу.

Подобие дома, который мы с Нат арендовывали напололам, стояло на самом краю “заброшенной” улочки, в трехстах метрах от отличной, просторной “семейной” улицы с красивыми двухэтажными особняками и детскими горками за белыми заборчиками. Улица, на которой я родилась, выросла и, с некоторых пор, продолжила своё проживание, считалась не просто отщепенцем города, но и единственной, на которой жил самый настоящий призрак, которого, естественно, никто никогда не встречал. По легенде, Белая Дама была убита здесь в конце девятнадцатого века собственным ревнивцем-мужем, вот только никто не учел того факта, что эта улица возникла в середине двадцатого века. Хотя, может быть ревнивец-муж прикончил Белую Даму прямо посреди поля – кто его знает? И всё же, если верить нашему восьмидесятилетнему мэру, тело неизвестной молодой женщины и вправду было найдено в окрестностях нашей улицы в конце девятнадцатого века, что было задокументировано местной полицией и обнародовано в начале нулевых, после чего нашу улицу накрыла новая волна легенд и загадок.

На самом же деле это была обыкновенная, наполовину заброшенная улица, и ничего на ней интересного не происходило. За исключением моей семьи. Она разбавляла скучную жизнь порой не только этой улицы, но и целого города. До сих пор помню реакцию Нат, когда она узнала о том, что я являюсь членом громко известной на весь город семьи, чей дом красовался через дорогу слева от нас (напротив арендованного нами домика грустила пустая поляна, заросшая сорной травой).

– Одна из этих чокнутых?! Ты ведь не серьезно?! – едва не взвизгнула моя компаньонка, но было уже слишком поздно – дело было сделано, мы уже две недели как жили вместе. И всё же, если бы Нат узнала о моем происхождении сразу, едва ли она согласилась бы делить кров с одной из Грэхэмов, о чем она, спустя месяц после своего открытия, мне честно сама и призналась. – погоди, но ведь твоя фамилия Палмер, а не Грэхэм! – восклицала первую минуту над моими вскрытыми картами Нат. Бедняга, откуда ей было знать, что я сменила фамилию? Ей следовало уточнить обо мне побольше информации, прежде чем соглашаться делить со мной крышу над головой лишь потому, что я не против алкоголя и сигаретного дыма.

Следующие сутки после моего откровения Нат ходила в явном трансе от того, что связалась с одной из семейства “чокнутых”, однако не прошло и трёх дней, как она с новым огнем в глазах продолжила своё хобби – каждый вечер по моему возвращению из Лондона, огнево-лосая рассказывала мне свежие новости о моем семействе, от которых у неё порой мурашки по всему телу бегали. И не только у неё одной.

– Что на этот раз? – поинтересовалась я у знакомого полицейского, ожидающего своего напарника в машине у дома моих родителей.

– Действующая миссис Грэхэм в очередной раз сцепилась с еще не вступившей в свои официальные права миссис Грэхэм, – подняв на меня взгляд из-за опущенного окна, поджал губы Тэн.

Тэну Бенсону было двадцать девять лет – я знала это точно, так как он, в своё время, учился на класс младше Энтони и сейчас время от времени обновлял о себе информацию в социальной сети, в которой значился у меня в друзьях. Когда-то этот застенчивый голубоглазый блондин с весьма завидным телосложением был влюблён в меня, но боялся мне в этом признаться, постоянно впадая в краску при каждом моем появлении на его горизонте. При таком цвете лица только круглая дура не поймёт, что именно у парня в голове, но он был слишком уж “хорошим” для меня, и так как я не хотела ранить хорошего человека, я делала

вид, будто не замечаю его чувств. Благо он так и не набрался смелости мне признаться в своих душевных муках, а позже и вовсе наши пути разошлись на почве моей учебы в Лондоне.

Тэн, как я уже сказала, был хорошим парнем, а хорошие парни, как известно, долго не пылятся на холостяцких антресолях. Едва ему исполнилось двадцать четыре года как он женился на первой же своей девушке, которая сразу разглядела в парне неограниченный алмаз. Так уже в свои двадцать девять лет Тэн Бенсон успел дважды стать отцом – вторая девочка родилась чуть больше года назад.

– А-а-а, Таша, – тяжело выдохнул мистер Иден, неслышно подошедший ко мне сзади. Этот грузный пожилой мужчина шестидесяти лет не имел на голове ни единого седого волоска не смотря на то, что уже успел обзавестись дюжиной внуков. Что поделаешь – в нашем маленьком городке все знали друг о друге порой даже больше, чем о себе. – Пришла поинтересоваться, что вновь произошло? Миссис Грэхэм сцепилась с миссис Элмерз. Подозреваю, что первая разбила губу второй, однако вторая решила умолчать о данном факте, так как отомстила своей обидчице серьезной царапиной на щеке. Вызов вновь оформили Фултоны.

– Снова выписали штраф? – приподняла бровь я, заметив шевеление в кустах за отцовским гаражом.

– Фултоны на вас разбогатеют, честное слово, – тяжело фыркнув, мистер Иден протер лоб белоснежным платком, после чего добавил. – Сочувствую, Таша. Ладно, нам пора ехать. На Цветочной улице подрались подростки, нужно разобраться...

Моё внимание уже было всецело приковано к кустам, поэтому в ответ собеседнику я лишь положительно кивнула головой, после чего аккуратным шагом направилась к цели. Прежде чем полицейская машина развернулась, я успела подкрасться к кустам впритык.

– Бум! – попыталась не слишком громко воскликнуть я, чтобы не перепугать детей больше необходимого, но меня, по-видимому, караулили с самого начала. Пятилетняя Жасмин с криком “А-а-а!” кинулась на меня из кустов словно маленький львёнок, в то время как двухлетняя Мия сидела на траве чуть поодаль и давилась смехом в свои крохотные ладошки.

– Тётя Таша, тётя Таша, отпусти меня! – Жасмин бросалась смехом, словно цветным бисером, пока я, схватив девочку сзади, щекотала её бока.

– Тётя Таша, тисе, у нас тут уктытие! – прошептала малышка Мия, приложив указательный пальчик к своим губкам. Для своих двух лет и девяти месяцев Мия весьма хорошо разговаривала, хотя, по сравнению с Жасмин, и была очень тихим ребенком.

– У вас тут укрытие? – переступив через старый, неподстриженный куст кизила, переспросила я. – От кого вы укрываетесь? – окинув взглядом аккуратно разложенные вокруг разросшегося кустарника пластмассовые игрушки, поинтересовалась я, совершенно наплевав на тот факт, что забыла переодеться в домашнюю одежду.

– Ото всех, – многозначительно ответила Жасмин, приподняв вверх указательный палец.

– Вот как? Ото всех... Но я слишком большая для этого куста, так что предлагаю перенести штаб за дом. Согласны? – подтянув к себе Мию и взяв её на руки, предложила я, после чего встала на ноги и отправилась, как и предлагала, за дом. Жасмин, идущая рядом быстрым шагом, тут же схватила меня за свободную левую руку, чем отвлекла меня от указательного и среднего пальца Мии, которые она, по вредной привычке, вновь засунула себе в рот.

– Мия, не засовывай пальцы в рот, – попросила я и как бы мимоходом добавила. – Где ваша мама?

– Она в гараже спит, – не сбавляя шага, ответила Жасмин, увлекая меня вперёд за собой.

Уже спустя полминуты я с племянницами сидела на старой, почерневшей от проливных дождей лавочке, прислоненной к той самой стене дома, которая пятнадцать лет назад постра-

дала от энтузиазма Энтони. Правда черное пятно на стене располагалось слева, намного дальше от нас, так что сейчас оно не привлекало моего внимания.

– Ну, малышки, как у вас дела? – улыбнулась я, усадив спокойную Мию к себе на руки и заглянув в глаза рядом сидящей Жасмин.

– У нас как всегда всё хорошо, а у тебя как? – заулыбалась Жасмин, явно радуясь моему обществу. Желая честно ответить на вопрос племянницы, я вспомнила не лучшее знакомство с Ирмой Риордан, после чего нахмурилась и ушла в себя буквально на несколько секунд, как вдруг Мия выдернула меня из тяжелых мыслей о том, что в недалеком будущем мне определенно придется искать себе новую работу.

– Потому Элизабет и Ширли лугаютя? Они так мешают спать маме, – тяжело выдохнула девочка.

Даже портовые пушки не помешали бы их матери спать, но я не хотела разговаривать со своими племянницами на языке сарказма, поэтому решила не оглашать все свои мысли вслух.

– Почему Ширли и Элизабет ругаются? – задумчиво переспросила я. – Просто они из одного теста, – попыталась улыбнуться я.

– Из одного теста? – округлила глаза Мия.

– Да, это как я с тобой, – убедительно кивнула головой Жасмин.

– Мы с тобой никогда не лугаемся, – нахмурилась Мия.

– Я имела ввиду, что ты моя сестра, значит мы слеплены из одного теста, – с нотками безнадежности вздохнула Жасмин. И вновь я мысленно заметила, что и здесь Жас права лишь фифти-фифти*, так как хотя у них и была общая мать, отцы-то у них были разные, и вновь мне пришлось сдерживать свой сарказм (*50 на 50).

Как объяснить детям отношения взрослых? Ведь объяснить подобное бывает даже сложнее, чем понять.

Ширли, жена дяди Генри, буквально выжила своего мужа из дома, который он купил в молодости сразу после их свадьбы. Генри перебрался жить в дом к своему брату, который, по совместительству, являлся его соседом и моим отцом, а Ширли, уже спустя два месяца, заселила на его место своего любовника. Вместо того, чтобы разобраться с первой женой, развестись с ней и разделить имущество, наш добродушный дядя Генри попал в расставленные сети другой женщины – Элизабет Элмерз.

У Генри и Ширли не было детей, зато у Элизабет было две дочери одна другой краше. Роканера, старшая дочь, работающая стриптизершей в Лондоне, дружила с головой куда лучше своей матери и сестры. Не смотря на свою профессию, Роканера была неплохой женщиной – по крайней мере я уважала её за честность. Вторая же дочь Элизабет, Хлоя, была сущим ходячим наказанием своей матери и, что-то мне подсказывало, что она являлась точным отражением её собственной молодости.

Генри буквально запутался в сетях Элизабет, а когда понял это, было уже поздно – Элизабет, вместе со своей младшей дочерью, на данный момент пребывающей на шестом месяце беременности, переехала под крышу, которую ему благодушно и безвозмездно уже несколько лет предоставлял мой отец. Моему отцу, собственно, уже давно было безразлично, что именно происходит в его доме, так как он дни и ночи напролет проводил в своей мастерской. На его месте я бы погнала весь этот табор куда подальше из своего дома, за исключением дяди Генри конечно, но отцу действительно было наплевать. Как ни странно, но и в этом я его тоже понимала.

Став соседками, Ширли и Элизабет начали бессмысленную и беспощадную войну за территорию, которая им даже не принадлежала. Ширли не желала отдавать Элизабет дом Генри, Элизабет же, в свою очередь, жаждала заполучить эти заманчивые квадратные метры. И только Генри оставался в стороне, не обременяя себя войной за территорию, которая, по факту, принадлежала ему.

Все любили Генри за его добрую душу, но его добродушие зачастую перерастало в мягкотелость. Ему давно следовало вышвырнуть Ширли с её приживальцем из своего дома и избавиться от глупостей со стороны Элизабет и её младшей дочери, но он словно не находил в себе сил сказать твёрдое “нет” всем тем вздорным женщинам, которые облепили его, словно злобные осы бесплатный мёд.

В сложившейся ситуации мне хотелось защитить всех своих близких людей, однако я сомневалась в том, что в силах защитить хотя бы себя. Я была правнучкой, внучкой, дочерью, сестрой и даже тётей, но едва ли я справлялась на отлично хотя бы с одной из этих многочисленных ролей. Все эти роли – это одно единое я, раздробленное на острые осколки. Кажется, у меня в душе никогда уже не будет покоя. А всё потому, что осколки прежде были цельной мозаикой, от которой внезапно отделились и потерялись пазлы, без которых картина уже никогда не сможет стать прежней.

Глава 6.

Одной из причин, почему я променяла аренду квартиры в Лондоне на аренду “спичечного коробка” в глухомани под столицей, была моя прабабушка. Амелии Грэхэм без трех месяцев было девяносто три года и, хотя она держалась бодрячком, Элизабет вздумалось поднять в нашей семье тему дома престарелых. Прабабушка не требовала к себе особого внимания или ухода, обладая в свои девяносто два невероятно трезвым умом и отточенной способностью передвигаться по дому со скоростью полуторагодовалого ребенка – то есть достаточно быстро, чтобы самостоятельно организовывать себе завтраки, обеды и ужины. Отец и Генри наотрез отказались сдавать свою бабушку по отцовской линии в дом престарелых, но Элизабет всё ещё грела свои грязные надежды, с жадностью смотря на квадратные метры Амелии.

– Эта нехорошая женщина хочет забрать мою комнату, – смиренно улыбнулась бабушка, сидя в своем кресле-качалке напротив небольшого окна, за которым виднелся березняк. – Этот дом построил мой муж, в нем я родила своего сына, воспитала внуков и увидела правнуков, у которых уже есть свои дети. Элизабет больше не заговаривает с Генри о доме престарелых, но я знаю, что она ждёт моего исчезновения, чтобы отдать мою комнату своей беременной дочке. Она говорила об этом Хлое на кухне, не заметив моего появления. По крайней мере эта алчная женщина боится того, что если меня отдадут в дом престарелых, я начну отдавать свою пенсию тебе... О, мой бедный внук! Когда же Генри уже наконец хватит ума и душевных сил выпроводить этих бездельниц из нашего дома?!

...За последние десять лет наш дом изменился до неузнаваемости – только спальня родителей по-прежнему оставалась спальней родителей. Генри переехал в пустующую комнату моих братьев, позже подсел к себе Элизабет, а еще немногим позже Жасмин и Мию переселили из спальни для девочек, в которой прошло всё моё детство с сёстрами, на первый этаж в маленькую комнатку, которая всю жизнь, сколько себя помню, принадлежала прабабушке. Нашу же детскую, просторную комнату, отдали Хлое и её еще не родившемуся ребёнку, поясняя это тем, что её животу нужно больше пространства, чем моим племянницам. Бабушку же переселили на чердак, перед этим утеплив его и настроив открытый лифт – по-другому сюда подняться либо спуститься было невозможно.

По факту бабушка жила в отдельной части дома, где её никто не мог побеспокоить, и она, в свою очередь, никого не беспокоила. Каждый день она наматывала круги по чердаку, трижды в день спускаясь на кухню, чтобы приготовить себе, а иногда и ближайшим родственникам, чего-нибудь съестного. Элизабет умела готовить только самые простые блюда вроде яичницы или макарон, зато бабушка готовила так, как, пожалуй, никто больше не умеет готовить во всей Британии. Это было не удивительно – её руки кормили не одно поколение нашей семьи. Приготовление еды разбавляло её преклонную старость тремя-четырьмя часами в сутки, еще пару часов занимали Жасмин и Мия, обожающие бабушкины рецепты, сказки, и её “таинственный” чердак, переполненный чудокаватыми вещами из прошлых веков и всё равно остающийся достаточно просторным для тихой старости. Старалась не забывать заглядывать в гости к бабушке и я, регулярно приходила к ней в гости моя сестра Пени со своей семьей, остальные и так не давали о себе забыть, а некоторые не давали от себя и отдохнуть, хотя всем и хотелось бы того. Едва ли бабушка чувствовала себя одинокой, но я не решалась у нее спросить об этом напрямую, возможно, боясь услышать противоречащий моим желаниям ответ.

– Все мы одиноки, – лежа на диване в пижаме в виде коротких хлопковых шорт и белого топа, Нат выпустила струю сигаретного дыма в потолок, в ответ на мои мысли на счёт Амелии. – Ей ещё повезло, что у неё есть родственники, которые задумываются о подобном.

– Едва ли состояние в родственных связях со мной можно считать везением, – криво ухмыльнулась я, сидя справа от входной двери на деревянном столике, который мы с Нат обычно использовали для прессы. Мы договорились не курить в стенах дома, чтобы мебель не пропахла дымом, но на улице начался дождь, а у Нат сегодня был сложный день, так что выкурить одну сигарету в гостиной сегодня для неё не считалось преступлением. Я тоже хотела курить, но сегодня решила воздержаться. В конце концов в моей жизни бывали дни и похуже, да и я была уверена в том, что сигареты мне ещё понадобятся.

– Ненавижу подростков, – совершенно спокойным тоном произнесла Нат, запустив очередное кольцо дыма в потолок.

Натаниэль – так звучало полное имя моей соседки. Во всем мире данная форма имени официально признана мужской, но история о том, как так получилось, что такую красивую девочку называли звонким мужским именем и, впоследствии, не переименовали, слишком длинная, а я сегодня не способна на длинные истории.

Нат работала учителем французского языка в местной старшей школе. Пожалуй, она была самым брутальным учителем французского, которого я только встречала на своем пути – до встречи с ней еще никто в моей практике не произносил летящий французский словно мотодор на корриде. Подростки при виде её трепетали – ею восхищались и её боялись, с ней хотели дружить сопливые девчонки и мечтали переспать прыщавые девственники. Она была эталоном современного учителя, грозой среди коллег-старпёров и подражанием для молодых практикантов. Сегодня какой-то очередной влюблённый в неё подросток вложил в её учительский журнал анонимное любовное послание и, честно говоря, ему повезло, что он решил остаться анонимом – иначе бы Нат заставила его съесть его наивную писанину вместе со всеми его грамматическими неточностями. “...Chaque jour je pense à toi, j'aime ton sourire et je rêve de te rencontrer dans le couloir de l'école...”. По-видимому парнишка хотел донести до Нат то, что он каждый день думает о ней, наслаждается её улыбкой и мечтает о встрече с ней на школьном коридоре.

– Он либо заика, либо страдает хронической, неконтролируемой страстью к удвоенным согласным, – недовольно хмурила лоб Нат. – Я не для того учу этих недоумков, чтобы они даже любовное послание без ошибок написать не могли.

Я хотела сказать, что парень всего лишь описался в одном-единственном слове “couloir”, почему-то совершенно необъяснимо доставив лишнее “l”, однако я вспомнила построение единственного предложения в его записке и пришла к выводу о том, что составить его можно было бы более грамотно, потому и не стала тратить свои силы на защиту таинственного анонима.

– Жаль, что тучи небо заволокли, звёзд из-за них не рассмотреть, – не докурив, Натаниэль потушила в натёртой до блеска хрустальной пепельнице сигарету, явно переживая из-за закончившегося на прошлой неделе освежителя воздуха.

Что происходит?

Мие два года и девять месяцев, ей необходима серьезная операция на правом лёгком. Чем раньше операция будет проведена, тем лучше её крохотный, но ежедневно растущий организм зарубцует шрамы. Самые результативные операции на детских легких, затронутых подобным недугом, проводятся в Берлине. Подобная процедура стоит столько, сколько одному человеку нереально заработать за ближайшие пять лет, при этом работая без выходных двадцать пять часов в сутки. У нас был год, не больше, чтобы накопить необходимую сумму. Позже Мие прогнозируют серьёзные проблемы со здоровьем, которые могут не позволить ей больше вести обычный образ жизни здорового ребенка.

Благотворительный счет был открыт, рекламные акции выброшены в сеть и прессу, но оказалось, что люди, в большинстве случаев, одиноки в своем горе. За месяц с момента откры-

тия счёта на нём накопилось всего лишь 103 \$. Мне нужна была сумма, равная 157 000 \$. И это только на операцию с последующей полноценной реабилитацией, без учета проживания хотя бы одного взрослого родственника в пределах Берлина в течении всего предоперационного и реабилитационного периода. Без учета стоимости тех лекарств, которые Мия на данный момент принимает, чтобы глушить свою одышку и сжатие под рёбрами, которое стало проявляться чаще одного раза в месяц...

Сто пятьдесят семь тысяч долларов... Эту сумму можно повторять бесконечно. Даже если я продам обе свои почки, мне всё равно не хватит денег. Почки остальных членов моей семьи не в счёт – все забракуют по старости, либо по преждевременной изношенности. Оставалось только узнать, смогу ли я жить без печени, селезёнки и пальцев ног. Ничего ценнее органов и частей тела в моём арсенале давно уже не осталось.

Итак, мой рабочий день на новом месте начинался в два часа дня. Приезжая в “Изумрудный город”, я парковалась рядом с машиной Джины, после чего мы с Кристофером ехали за Ирмой. Я не до конца понимала, зачем за девчонкой необходимо ехать двум взрослым людям, но не хотела оспаривать право Кристофера на вождение автомобиля, чтобы он вдруг ненароком не подумал, будто я покушаюсь на его хлеб.

– Сегодня у вас мини-гольф? – как только мы выехали в Лондон, решил начать неприкрытый разговор Кристофер.

– Не у нас, а у нее, – заметила я.

– Ошибаешься. Гольф – одно из немногих её занятий, которые распространяются и на её компаньонку.

– Компаньонку? – ухмыльнулась я. – Мы теперь так будем это называть? Что ж, всё лучше, чем быть няней или надзирательницей. Ты хорошо знаком с её расписанием?

– У меня хорошая механическая память. Я каждый день занимаюсь тем, что развожу Ирму по её интересам – волей-неволей маршруты запоминаются.

– Да ну-у-у... Можешь рулить без навигатора? – задорно ухмыльнулась я.

– Что за погода, – улыбнувшись в ответ, заметил Кристофер. – Как думаешь, будет сегодня дождь?

– Да брось, прогноз погоды обещал беспросветную и безветренную облачность.

– Тогда, скорее всего, занятия по гольфу пройдут на открытой местности... Слушай, не знаю как сегодня, – внезапно выпалил мой собеседник, – но мы должны с тобой как-нибудь пересечься после работы, чтобы выпить по чашке горячего шоколада. В конце-концов мы с тобой единственная компания в этом опустевшем особняке.

– Горячий шоколад? Звучит замечательно. Но ты забываешь о Джине.

– С Джиной я уже пил горячий кофе.

– Вот как? – не смогла удержаться от усмешки я. – Только не говори, что тебе не понравилось с ней, поэтому ты решил попробовать со мной?

– Ты меня раскусила. Правда, я не пробовал угощать Джину горячим шоколадом – только крепкий кофе, чтобы она не приняла мои намерения подружиться за нечто иное. Ты ведь должна понимать, что кофе – это дружба. Заинтересовавшую девушку не приглашают на чашечку кофе. Да и на шоколад, если честно, тоже не приглашают, но когда ты не хочешь пронзать свои намерения острыми ганшпугами* сразу, ты начинаешь пороть чушь (*Спицы).

Я не стала уточнять у Кристофера, что именно он имел ввиду, так как уловила ту тонкую нить флирта, которую он сумел, словно мастер душ высшего класса, протянуть к моему вниманию. Я же так давно не флиртвала, что внезапно возникший, ни к чему не обязывающий, буквально прозрачный флирт стал мне если не интересен, тогда, по крайней мере, приятен. Естественно я не собиралась смотреть на Кристофера как на своего возможного парня и тем более не собиралась давать ему надежду на то, что подобные отношения между нами

возможны. Нет, это определенно было невозможно, но в этот момент между нами определенно возникла та прозрачная ниточка, которая, отдавая вибрацией, заставляла нас улыбаться друг другу веселее и чуть-чуть ярче, чем это обычно случалось с другими нашими собеседниками.

– Ты, должно быть, знакома с моими достижениями, относительно твоих предшественниц, – идя на шаг впереди меня, наверняка чтобы не встречаться со мной взглядом, предположила Ирма.

– Получила более чем исчерпывающую информацию, – не доставая рук из карманов брюк, хладнокровно отозвалась я.

– От Кристофера, полагаю, – криво ухмыльнулась девчонка, остановившись напротив первой лунки. – Знаешь, я ведь впервые решила носить клюшки самостоятельно, отчего пришлось ограничиться одной. А всё для того, чтобы поговорить с тобой.

Остановившись, я, не посмотрев на собеседницу, запрокинула голову вверх и взглянула на небо, затянутое беспросветной густой серой пеленой, после чего, спустя несколько секунд, вновь посмотрела на Ирму. Мы встретились взглядами. Кажется, до этого она говорила что-то о том, что хочет поговорить со мной... Что ж, пожалуй, интересно.

– Почему ты в форме для большого тенниса? – приподняла правую бровь я.

– Я перепутала, – слегка стушевавшись, отозвалась девушка, поправив при этом козырек своей теннисной кепки. – Почему-то решила, будто по расписанию на сегодня теннис... Ну, знаешь, у меня бывают сдвиги в графике – не всегда гольф по вторникам и французский по понедельникам.

Молча, едва заметно кивнув головой, я, не нагибаясь, положила мяч для гольфа на разметку. Потратив еще несколько секунд на то, чтобы прицелиться, я с одного удара загнала мяч в лунку. Удар получился неожиданно красивым, с отскоком и прямым попаданием в цель.

Я перевела взгляд на Ирму. Её явно заинтересовало увиденное.

В детстве я обожала играть с мамой в мини-гольф, хотя и делала это всего пару-тройку раз в год. Мама научила играть в эту игру всех своих детей, но именно я увлеклась ей больше остальных. По крайней мере больше, чем мои сёстры.

Ирма явно восприняла моё прямое попадание в лунку если не как вызов, тогда как намёк на соревнование, потому уже спустя несколько секунд тщательно выбирала угол для своего удара. Цель была лёгкой, так что я даже не сомневалась в том, что у неё получится попасть в лунку с первого раза, как и не сомневалась в том, что возможная осечка заставит её изменить тон общения со мной не в лучшую сторону.

Ирма, как я и предполагала, с первого раза закинула мяч в лунку, отчего на её лице проявилась мимолётная улыбка – признак её угасающего детства, от которого она так скоро спешила избавиться. Как, наверное, и все мы.

Повернувшись ко мне лицом, она больше не улыбалась, явно стараясь настроить со мной ритм серьезного, “взрослого” разговора.

– Послушай, ты боец, да? – попыталась заглянуть мне в глаза девчонка, пока мы шли к очередной лунке.

– Чего ты хочешь? – отстранённо поинтересовалась я, остановившись напротив следующей лунки, положив мяч и уже начав целиться.

– Научи меня, – внезапно выдала Ирма, отчего моя клюшка зависла в воздухе. Медленно опустив её, я посмотрела прямым взглядом на собеседницу.

– Научить чему? – едва уловимо приподняла брови я, при этом не теряя ни капли своего хладнокровия.

– Ну вот этой вот твоей крутой манере, – пояснила девушка, но я продолжала пронизывать её непроницаемо-холодным взглядом, отчего она решила разъяснить мне свою просьбу более доходчивым языком. – Послушай, я на тебя вчера весь вечер злилась. Даже хотела

дождаться, когда ты забудешь свой телефон где-нибудь на столе, чтобы поджечь его чехол, честное слово!

– Верю, – убедительно отозвалась я, после чего врезала клюшкой по мячу, и уже думала, что промахнулась, как вдруг мяч отскочил от флажка и влетел прямоком в лунку.

– До сих пор все те курицы, которых нанимал... Нанимал мой отец... Они были тупыми, словно пробки! Ну вот как можно приставлять ко мне тупую пробку и надеяться на то, что я от неё научусь чему-нибудь гениальному?! – негодовала девушка.

– Ты не должна ни от кого ничему учиться – ты должна просто посещать занятия по саморазвитию, – спокойно заметила я.

– Но ведь именно она, то есть ты, и являешься моей основной компанией, за исключением круга моего школьного общения. Он говорит, что я должна общаться с теми, кто ниже нас по классовому статусу, чтобы не забывать о существовании другого мира, и одновременно хочет вырастить из меня высокообразованного эрудита. Но как я буду говорить: “*Ami au prêter, ennemi au rendre**”, – когда курица, делающая вид, будто присматривает за мной, заявляет, что она бы переспала с деловым партнером моего отца? (*В долг давать – дружбу терять). И это еще не самое худшее! Предпоследняя особа, занимающая твоё нынешнее место, вообще ничего не делала, при этом регулярно жаловалась моему отцу на то, что я её уматываю, подкрепляя свои заключения, пока он того не видел, крепкой нецензурной лексикой всякий раз, когда спотыкалась о порог моей спальни. Она во всём пыталась угодить мне, буквально в рот мне заглядывала в ожидании чаевых. Моего отца это изрядно смешит, честное слово!.. Я о том, как ведут себя эти дуры из среднего класса. Однажды услышав, как “колоритно” твоя предшественница бранится в телефон, пытаясь объяснить своему сыну где именно находятся его чертежи, он так долго смеялся, что вышел в сад, чтобы не задохнуться. Перед тобой были десятки женских лиц – брюнетки, блондинки, рыжие, окрашенные в лиловый, тридцати-сорока-пятидесяти и даже шестидесятилетние особы без личного мнения и взглядов на жизнь. Им платили и они прыгали вокруг меня, словно забавные обезьянки из зоопарка.

– И тут тебя впервые попытались заткнуть, отчего ты и пришла в восторг? – решила прервать необузданную тираду разгорячившегося подростка я. – Ты что, мазохистка? Ненавидишь, когда к тебе относятся с душой и хлопаешь в ладоши, когда ставят на место?

– Ничего подобного, – сдвинула брови Ирма, явно недовольная поставленным мной ей диагнозом. – Ты не дала мне договорить... Я злилась на тебя весь вчерашний вечер, но потом я увидела жвачку на своем планшете, которую ты виртуозно вкрутила в его корпус, и поняла – ты мне поможешь.

– Я так до сих пор и не поняла, в чем именно ты просишь меня тебе помочь. Твой удар, – ткнула клюшкой в сторону лунки я, но Ирма была так возбуждена, что не могла сосредоточиться на игре.

– Понимаешь, у меня есть проблема по имени Хизер Додсон. Представь себе длинноногую блондинку с нарощенными волосами, ресницами, ногтями и, в недалеком будущем, парой нарощенных сисек и губ. Я не шучу – она уже выбрала, в каком именно медицинском центре будет вживлять в свою задницу импланты, когда ей исполнится восемнадцать. Представляешь, я даже с университетом определиться не могу, а она уже с хирургом определилась, стерва.

– Тебе-то что до неё? – хмыкнула я, решив не дожидаться, пока моя собеседница захочет вернуться в игру, и вновь установила шарик у своих ног.

– Мне до неё нет никакого дела, это она залезла своей задницей на мою территорию! Я со средней школы занималась актёрским мастерством с лучшими педагогами Британии...

– Поздравляю.

– Спасибо. Так вот. Год назад я вступила в школьный драмкружок. Видишь ли, я поняла, что не хочу становиться дешёвой актриской, поэтому свернула свои занятия с переоценёнными педагогами, твёрдо решив свести театральное мастерство до состояния хобби. В про-

шлом сезоне наш драмкружок взял на себя смелость поставить “Ромео и Джульетту”, где я исполнила главную женскую роль. Успех был колоссальный! В школе не осталось ни единого, даже самого замурыженного ботаника, и ни одного родителя этого самого замурыженного ботаника, который не знал бы звезду спектакля – Ирму Риордан! И вот, в этом сезоне вновь ставится Шекспир, на сей раз “Отелло”. Роли розданы, текст на руках... В таких случаях говорится – ставки сделаны, ставок больше нет! Но нет! Здесь оказывается, что Хизер Додсон, рассчитывающая на роль Дездемоны бездарность, оказалась недовольна тем, что ей впарили роль служанки, не предложив даже роли Бьянки, которую она, естественно, тоже не хотела на себя примерять. В общем, её папочка оплатил директору школы, что весьма прозрачно, поездку на Мальдивы или что-то в этом роде, после чего было объявлено, что вскоре будет назначена дата “пересмотра ролей”. Пересмотра ролей, представляешь?! Секси-секретарша директора школы так и сообщила по радио! Уже позже в туалете я узнала о том, что это дело рук Хизер – она делилась своей маленькой гнусной тайной со своей свитой никчёмных подстилок. Я не могу отдать ей эту роль, понимаешь? Она её не заслужила! Из-за этой тупой дуры никто из актёров не может учить свой текст, в то время как спектакль уже висит на носу! Наш театральный руководитель в шоке от такого поворота, а я уже заранее знаю, что буду бороться за роль с той, кто два слова связать не сможет, пока не сделает селфи в зеркале туалета.

Пока Ирма тарабанила свою речь в мои перепонки, я раз десять сыграла в лунку, умудрившись дважды промазать. Тяжело вздохнув, я посмотрела на девушку и уже без холода в голосе повторила свой вопрос:

– Чего ты от меня хочешь?

– Подождём покрывающей её идеального малинового кабриолета?

– Нет.

– Жаль. Тогда научи меня, как втоптать её блондинистую головку в грязь. Ты самая молодая и холодная из всех своих предшественниц, давай же, помоги мне восстановить справедливость в этом мире.

В очередной раз осмотрев Ирму с головы до пят, я поняла, что она ещё никогда не сталкивалась с настоящей несправедливостью. Что ж, в любом случае её настрой был мне на руку. Пока эта девчонка будет заглядывать мне в рот в поисках ответов на дурацкие вопросы “все-ленской важности” исключительно её вселенной, я смогу тихо-мирно копить на операцию для Мии. Нет, я не собираюсь “делать вид, будто помогаю”, я просто собираюсь подзаработать на том, что для моей подопечной необходимо больше всего. По неизвестной мне причине, Ирма внезапно увидела во мне объект для своего подражания, из чего я сделала вывод, что она явно нуждается в чём-то другом, более важном. Я говорю о тормозах.

Глава 7.

Посторонние люди, не имеющие никакого представления о моей семье, считают, что моя сестра Пени глухонемая. С момента, когда родители заподозрили неладное в чрезмерной тишине своего второго ребёнка, появившегося на свет спустя два года и семь месяцев после Энтони, её немоту никто не может объяснить. Доктора списали отсутствие речи на тугоухость, выявленную в младенчестве и считающуюся врожденной. Третья степень потери слуха – это неспособность слышать большинство звуков. С таким диагнозом Пени могла и должна была рано или поздно заговорить, ведь она не была абсолютно глухой, а степень её глухоты даже не достигала четвёртого уровня, но она продолжала упорно молчать. Пени не исполнилось и пяти лет, когда доктора впервые решили списать её немоту на несуществующую психологическую травму.

В любом случае, за свои двадцать восемь лет жизни Пени в итоге не произнесла ни единого слова. Зато каким смехом она обладает! Он всегда казался мне волшебным.

В детстве мне часто было жаль, что Пени не может разговаривать, но я так сильно хотела общаться с этой невероятно милой девочкой, что уже в три года на зубок выучила дактилологию – азбуку пальцев, специальный знаковый язык, при помощи которого родители общались с моей старшей сестрой. Да, Пени не была глухой и, если я говорила ей прямо на ухо или очень громко кричала ей что-то со своего горшка, она могла расслышать мои слова, но отвечала она исключительно на пальцах. Тогда я впервые в своей жизни сдалась и уже в двухлетнем возрасте начала обучаться разговаривать на языке сестры.

И всё же Пени понимала речь, так почему же она так и не заговорила? Загадка, которую не смогли разгадать ни британские медики, ни французские и даже немецкие.

...Не смотря на свой недуг Пени росла весьма жизнерадостным ребенком. Я до сих пор твёрдо убеждена в том, что в моей старшей сестре, солнечной, неподдельной детской радости больше, чем может уместиться в десятке взрослых людей. Отчасти её теплота не расплескалась благодаря её вовремя возникшим отношениям с Рупертом МакГратом, но это произошло гораздо позже...

Моё первое детское воспоминание о Пени связано с тощей старой таксой. Мне было полтора года, когда пятилетняя Пени притащила домой какое-то страшно грязное, костлявое существо с огромными плачущими глазками и тремя лапами. По-видимому такса долгое время бродяжничала и совсем недавно потеряла правую переднюю лапу, из которой всё ещё струилась алая жидкость. Когда я увидела, как Пени аккуратно кладет неведомое мне существо под лавку в прихожей, у меня изо рта выпала пустышка – настолько сильно я раззявила рот.

Отец сделал для таксы протез в виде колеса, и она прожила в нашей семье ещё два года, прежде чем скончалась от старости. До сих пор помню, как Пени выбирала самую красивую коробку из-под бабушкиной обуви, чтобы похоронить в ней эту таксу. Кто хоронит собак в коробках? Да ещё и перламутрового цвета...

Пени минимум один раз в год притаскивала в наш дом какое-нибудь существо, которое нуждалось в крыше над головой. Подозреваю, что эта её привычка давала о себе знать ещё до моего рождения, и старая такса не являлась её первенцем. В разные периоды у нас жила пятёрка разномастных собак, три кота, выброшенная соседями карликовая черепаха, искалеченная морская свинка, спасенный от ворон хомяк, сбежавший из зоомагазина, цыпленок выросший в полноценную курицу и даже прибившийся к отцовской мастерской ёж-альбинос. Как ни странно, родители не запрещали Пени тащить весь этот зоопарк в дом. Сейчас же я понимаю, что это было связано с их особой любовью к своему второму ребенку. Пени ещё в детстве своей неподдельной добротой завоевала звания любимой дочери, лучшей сестры и

подруги, со временем пополнив общий список должностями идеальной жены и нежной матери. Единственное звание, которое она добродушно уступила мне – это звание лучшей тётки, и то относительное. Жасмин и Мия считали меня “лучшей тёткой” лишь потому, что я больше остальных своих братьев и сестёр провозилась с ними в их детстве. Что ж, хоть для кого-то в какой-то момент я смогла показаться лучшей, хотя и подозреваю, что это всего лишь очередное детское заблуждение моих племянниц. Подобных заблуждений было достаточно и в моём детстве...

Однажды жарким летом, когда мне было не больше пяти лет, родители отпустили нас играть на задний двор. Они всегда так делали, когда хотели запереться в своей спальне на пару часов – просто выпроваживали нас на улицу, прося старших детей присмотреть за младшими. Но так как наш задний двор не был отделен от двора дяди Генри, мы носились и по нашему, и по соседскому двору одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.